

СИРЕНИЯ

**ЗВЕЗДНЫЕ
ГРАНИ СТРАСТИ**

СИрения –
Звездные грани страсти

«Литнет»

2026

– С.

Звездные грани страсти / С. – — «Литнет», 2026

В Космическую академию отбирают только лучших студентов галактики. Три интерна оказываются вместе в мобильной группе, отправляясь на опасные миссии спасения, где каждый шаг может стать последним. Между медицинскими задачами и жизнью на грани они открывают друг для друга сверкающие грани страсти. Любовь троих пылает среди звёзд. Когда на кону — жизнь целой галактики, любовь становится силой, способной изменить всё...

© – С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1

Алиса

Я обхватила ладонями кружку с чаем, пытаясь выжать из ее тепла хоть каплю спокойствия. За иллюминатором плыли огни города, похожие на рассыпанные по бархату бриллианты. Красиво. Смертельно опасно.

Три года на орбитальной «Скорой» - и ты учишься читать эти огни, как врач читает кардиограмму. Вот там, в секторе «Дельта», мерцание учащенное - где-то авария на производственном поясе. А вот ровное свечение над Центральным пунктом - там все спокойно. Пока.

- Романова, выпалась? - голос доктора Карева, моего наставника, прозвучал у двери. Он вошел, и вместе с ним в комнату ворвался запах антисептика и старой усталости. Его лицо, изрезанное морщинами, напоминало карту всех катастроф, через которые он прошел.

- Как всегда, - ответила я, пытаясь улыбнуться.

- Не верю. Но некогда. Только что поступил вызов. ЧП на орбитальной верфи «Зодиак». Столкновение. Множественные травмы. Есть нюанс - на борту одного из судов могли быть биологические образцы. Контейнеры повреждены.

Мой желудок сжался в холодный комок. «Биологические образцы» на жаргоне означало все, что угодно - от безобидных инопланетных водорослей до чего-то, что могло бы съесть твою плоть за минуту.

- Я веду высадку, - сказал Карев, глядя на меня прямо. - Ты со мной. Волков и робот «Грифон» - твоя группа. Задача простая: выжить самим и вытащить как можно больше живых. Вопросы?

Вопросов не было. Было только это знакомое чувство - ледяная волна страха, которую тут же сменяла абсолютная, кристальная ясность. Адреналин выжигал все лишнее, оставляя только алгоритм: осмотр, сортировка, действие.

Через пятнадцать минут наша капсула, похожая на серебристую пулю, выстрелила из шахты мегаполиса в черноту космоса. В иллюминаторе Земля убывала, превращаясь в прекрасный, хрупкий голубой шар. А впереди, на фоне звезд, росло нечто иное.

Верфь «Зодиак» напоминала скелет гигантского фантастического зверя, пронзенного светом аварийных прожекторов. От одного из ее «щупалец» бил в вакуум фонтан кристаллов - это утекал воздух. Рядом в борт вплавился угловатый грузовой катер «Кентавр-7». Его корпус был разорван, как консервная банка.

Наш челнок пристыковался к аварийному шлюзу. Когда давление сравнялось и дверь открылась, на нас обрушилась оглушающая, давящая тишина, нарушаемая лишь шипением разгерметизации, далекими стонами и прерывистыми командами по рации. Воздух был густым от пыли и пах сладко и тошнотворно. Как перезревшие фрукты, начавшие гнить.

- Маска! - рявкнул Карев, и мы автоматически защелкнули шлемы.

Свет наших фонарей выхватывал из полумрака сюрреалистичные картины. Человек в разорванном скафандре пытался ползти, волоча за собой ногу, которая была вывернута под невозможным углом. Группа техников, давящихся кашлем, на их открытых предплечьях уже пузырилась странная, лиловая сыпь.

Мой имплант, вшитый у виска, тихо жужжал, проецируя прямо на сетчатку диагнозы: «Открытый перелом бедра, шок», «возможная интоксикация», «черепно-мозговая травма». Слова плясали перед глазами, но руки уже действовали сами.

- Волков, займись теми, с сыпью! «Грифон», за мной, берем тяжелых!

Первым был тот самый мужчина с переломом. Робот бережно уложил его на носилки. Пульс слабый, нитевидный. Он терял кровь. Нужно было быстро найти источник и перекрыть его, но для этого требовалось время и оборудование, которого у нас не было.

И тут я увидела. На его поясе, среди стандартного набора, висел компактный прибор - полевой тканевой сшиватель. Примитивная штукавина для мелких порезов. Идея ударила меня с такой силой, что на мгновение перехватило дыхание. Безумие. Нарушение всех протоколов.

- «Грифон», ультразвуковой сканер на бедро, быстро!

Робот послушно навел датчик. На внутренней стороне моего шлема замерцала голограмма - схема разорванных сосудов. Я схватила сшиватель. Он не был предназначен для такой работы. Но если... Я не пыталась сшить артерию. Вместо этого я включила прибор на минимальную мощность и быстрыми, точными движениями приклеила окружающие мышцы к стенкам поврежденного сосуда, создав вокруг него плотную, герметичную муфту из его же собственных тканей. Временная мера. Отчаянная. Но сканер показал: кровотечение ослабело. Хватит, чтобы довести до хирурга.

- Увезить! Следующий!

Следующим был техник без сознания. Удар по голове. Зрачки разного размера - внутри черепа росло давление. Нужна была операция, трепанация, которой здесь и сейчас не сделать. В аптечке «Грифона» был костный полимер, быстротвердеющая пена для фиксации переломов. Опять не по инструкции. Я ввела тонкую иглу прямо к месту перелома черепа, ориентируясь на сканер, и впрыснула полимер. Он расширился, создав давление. Еще одна временная заплатка. Еще несколько драгоценных минут жизни.

Я работала, как автомат. Видела не лица, а проблемы. Не людей, а неисправные механизмы, которые нужно было починить. Где-то рядом Карев орал что-то про разгерметизированные контейнеры с образцами. Волков кричал, что у одного из техников начались судороги.

Именно тогда я увидела ее. Женщина в обгорелой униформе пилота сидела, прислонившись к искореженной панели, и прижимала к груди что-то маленькое, покрытое перламутровой, темнеющей слизью. Инопланетное существо. Оно было ранено, и из его раны сочилась та самая слизь. А на руках женщины, куда попали брызги, уже ползли фиолетовые, жилистые узоры, словно ядовитый плющ под кожей.

- Не трогайте его! - ее голос сквозь помехи радиации был полон отчаянной защиты. - Он не виноват! Он просто испуган!

Мой имплант замигал красным: «Неизвестный биологический агент. Высокая агрессивность. Риск». Протокол был железным: полная изоляция. Женщина, существо. А возможно, и мы вместе с ними. Но я посмотрела в ее глаза. И на существо - оно слабо шевелилось, и в его множественных, крошечных глазках-бусинках читался такой же животный ужас.

- «Грифон! Изоляционный купол, срочно! - скомандовала я. Робот выстрелил прозрачным полимером, который на лету обволок женщину и ее подопечного, создав герметичный пузырь.

- Алиса, что ты делаешь? - в наушниках раздался голос Карева.

Я его проигнорировала.

- Волков! Поддай мне аппарат для очистки крови и универсальный антидот из синей упаковки!

- Ты с ума сошла? Мы не знаем, что это!

- И НИКТО НЕ УЗНАЕТ, ЕСЛИ ОНИ УМРУТ СЕЙЧАС! - выкрикнула я.

Через шлюз в куполе я подключила женщину к портативному аппарату, который начал прогонять ее кровь через фильтры. Одновременно я ввела ей и существу экспериментальный коктейль антидотов - наугад, на удачу, как в русскую рулетку. Руки не дрожали. Внутри все кричало. Женщина забилась в конвульсиях. Купол затрясся. Ее глаза закатились.

- Держись, - шептала я, не зная, слышит ли она. - Держись. Ты же его защищала. Защити сейчас и себя.

Я увеличила скорость фильтрации, вколола еще один препарат. Минута. Две. Кажется, прошла вечность. Судороги стали слабее. Расползание фиолетовых узоров остановилось. Существо в ее ослабевших руках перестало выделять слизь и тихо запищало. Только тогда я позволила себе облокотиться на «Грифона». Ноги подкосились. В ушах звенело.

Эвакуация прошла в тумане. Обратный путь, дезинфекция, отчет. Пятнадцать тяжелораненых, доставленных живыми. Двое погибли на операционном столе. Женщина-пилот и инопланетное существо были в стабильной изоляции, их состояние улучшалось.

Я сидела в своей капсуле в жилом блоке, уставившись в стену. Руки все еще пахли антисептиком и той странной, сладковатой слизью. Тело было пустым, выгоревшим изнутри. Ко мне пришла голограмма Карева. Он выглядел уставшим, но в его глазах было что-то новое.

- Романова. Администрация верфи и... представители того, чей это был образец, благодарят. Твои решения спасли жизни. И предотвратили межвидовой инцидент. Материалы по делу привлекли внимание. Автоматизированная система отбора Межгалактической Медицинской Академии «Асклепион» прислала тебе приглашение.

Я замерла.

- «Асклепион»? Но я же...

- Ты сделала то, что сделала. Они ищут именно таких. Кто может думать, а не просто следовать инструкциям. Кто видит пациента, а не диагноз. Решай.

Он исчез. Передо мной в воздухе вспыхнуло новое сообщение. Знак Академии - змея, обвивающая спираль. «Алиса Романова. На основании анализа ваших действий в экстренной ситуации вам предложено место в Межгалактической Медицинской Академии «Асклепион». Трансфер через 48 часов. Прибываете?» Никаких гарантий. Только вопрос. Только выбор.

Я закрыла глаза и увидела снова ту женщину. Ее глаза. И свое собственное безумие, которое в тот миг стало единственно верным решением. «Асклепион». Это был шанс. Шанс оказаться там, где такое безумие не просто прощают, а ценят. Где медицина - это не ремесло, а искусство спасения в самых невозможных условиях. Я посмотрела на свои руки. Они спасли жизнь сегодня. Может, смогут спасти и другие. На других мирах.

- Прибываю, - тихо сказала я, и система посчитала мой ответ.

Через два дня я стояла в огромном зале космопорта. Мой багаж - один скромный рюкзак. Вокруг были такие же, как я - чуть потерянные, с горящими глазами. Мы смотрели на корабль. Он был похож на выточенную из слоновой кости птицу, замершую перед полетом. «Ковчег» - космолет высшего класса.

Когда луч телепортации взял меня в свое мягкое, невесомое объятие, я в последний раз оглянулась. Земля висела в черноте, такая знакомая и такая бесконечно далекая. А впереди был только свет звезд и тихий шепот нового вызова. Я сделала шаг вперед. Навстречу страху. Навстречу будущему.

Роман участвует в литмобе "Космические медики"

<https://litnet.com/shrt/lsab>

Глава 2

Флари

В моем мире говорят, что душа живет в крыльях. Не в сердце, не в голове, а в этих широких, переливчатых плоскостях кожи и перьев, что ловят ветер и несут нас в небо. Ветер Ветреи - он всегда разный. Он может ласково обнимать, а может сбить с пути стаей ледяных игл. Но в тот сезон он принес с собой не холод и не тепло.

Сначала никто не понял, что это болезнь. Люди просто теряли интерес. Летчики, чей смех обычно звенел под самыми высокими куполами пещер, вдруг отказывались от полетов. Мастера, чьи руки танцевали при создании воздушных змеев или тончайших хирургических инструментов, сидели и смотрели в стену. А потом начинали дрожать кончики крыльев. Легкая дрожь, будто от холода. Но она не проходила.

Потом крыло обвисало. Яркие, как само небо, краски тускнели, становясь грязно-серыми. Человек еще дышал, еще смотрел, но огонь внутри гас. Мы называли это «Угасанием». Оно приходило тихо и уносило с собой все: радость, умение, личность. Оставляя пустую оболочку.

Я учился тогда на Целителя. Моя наставница, Тейла, женщина с крыльями цвета вечерней зари и смехом, способным разогнать тучи, взяла меня под свое крыло, когда все остальные смотрели на меня с сомнением. Я был не таким. Не таким ловким в воздухе. Не таким стремительным. Я любил не гонки, а тихие лаборатории, где можно было часами разглядывать под микроскопом строение листа или капли крови.

Когда «Угасание» добралось до Тейлы, мир перевернулся. Я видел, как ее уверенность тает, как ее ловкие пальцы начинают промахиваться мимо чашки. А потом пришел день, когда она не смогла подняться со своего ложа. Ее крылья, такие гордые и сильные, лежали на полу, как тряпки.

- Что с ней, Флари? - спрашивали меня. - Как помочь?

А я не знал. Мы перепробовали все: лекарства от тоски, стимуляторы, физиотерапию. Ничего не помогало. Лаборатории гудели, как растревоженные ульи, но ответа не было. Только отчаяние.

Я не спал трое суток. Сидел в углу лаборатории, окруженный голограммами анализов Тейлы, и смотрел на них, пока глаза не начинали болеть. Я сравнивал их со своими. Искал разницу. Любую зацепку. И тогда, в полусне, от отчаяния и усталости, я сделал то, что делал в детстве, когда боялся или думал. Я расправил свои крылья. Они не были такими красивыми, как у других. Кожаные перепонки были больше, чем обычно, очень чувствительными. Семья тихо стыдилась этого - это считалось «простым», не аристократическим признаком. Но сейчас мне было все равно.

Я окружил крыльями проекцию с анализами, создав полумрак. И... почувствовал. Не глазами. Кожей. Легкие, едва уловимые волны холода, исходящие от голограммы больной ткани. Там, где должна быть ровная теплота жизни, зияли крошечные ледяные островки.

- Это не болезнь души, - прошептал я сам себе. - Это что-то физическое. Что-то внутри.

Мне нужны были доказательства. Но времени не было. Тейла угасала на глазах. Я пошел к главному эпидемиологу, Келару. Его собственные перья уже начинали терять блеск.

- Я думаю, это не вирус, - выпалил я. - Это что-то иное. Как кристаллики льда в тканях. Они крадут тепло, нарушают связь между нервами и мышцами.

Келар посмотрел на меня усталыми, потухшими глазами.

- Флари, хватит фантазий. У нас нет времени на сказки. Ищи настоящую причину!

Но я видел, как тот же холод, что я почувствовал на голограмме, уже живет в его взгляде. Решение созрело мгновенно. Оно было безумным. Я был всего лишь учеником. Но я был единственным, кто это почувствовал.

Той же ночью, когда все спали или дежурили у постелей больных, я пробрался в старую, заброшенную часть пещер, где когда-то изучали минералы. Мне нужен был особый прибор, который мог видеть не химию, а структуру вещества. Я «одолжил» его, а заодно и несколько крошечных образцов тканей - своих, Тейлы и еще пары больных.

Дрожащими руками я настроил аппарат. Когда результаты проявились на экране, у меня перехватило дыхание. Я был прав. Внутри клеток, в самой их сердцевине, были миллиарды чужеродных, идеальных микроскопических кристаллов. Они росли, питаясь теплом нашего тела, и блокировали нервные импульсы. Наша иммунная система их просто не замечала. Значит, нужно было не лечить, а... растворять. Или разбивать.

Следующие двое суток слились в один сплошной, изматывающий кошмар. Я смешивал соки редких пещерных растений, пытаясь найти состав, который бы растворил эти кристаллы, не тронув нас самих. Я пропускал через образцы ультразвук разной частоты, пытаясь найти ту, что заставит кристаллы треснуть. Экспериментировал на своих же клетках, рискуя заразиться самому. Я почти не ел, не спал, работал на чистом упрямстве и страхе - страхе потерять Тейлу, потерять еще кого-то.

И я нашел. Особый состав на основе мха, который рос только около горячих геотермальных источников. Состав заставляли кристаллы вибрировать и рассыпаться, а мох вытягивал из крови то, что служило им пищей.

Протокол был готов. На бумаге. Но испытывать его надо было на живом человеке. На Тейле. Я пришел к ее ложу. Мимо усталой стражи, мимо удивленных взглядов целителей. Я принес с собой самодельный прибор, собранный на коленке, и шприц с моим сомнительным эликсиром.

- Птенец, что это? - ее голос был тихим, как шелест песка.

- Надежда, учитель, - ответил я, и голос дрогнул. - Доверьтесь мне.

Она слабо кивнула. Я прикрепил излучатели к ее крыльям, ввел раствор. И включил аппарат. Ее тело вдруг выгнулось. Из ее пор выступила тонкая, серая пыль. Я замер, сердце колотилось так, что вот-вот выпрыгнет из груди. Потом она обмякла. И... открыла глаза. Не тусклый, отсутствующий взгляд, а ясный, узнающий.

- Шумно у тебя, птенец, - слабо улыбнулась она и дотронулась до моей руки. Этот легчайший жест значил больше всех наград мира.

Потом, конечно, был скандал. Меня чуть не выгнали из Академии за самоуправство. Но Тейла вставала на ноги. Ее крылья медленно, день за днем, возвращали цвет и силу. Мой метод, названный «Резонансом Флари», начали применять к другим. Мы спасли наш Город-на-Высоте.

Но странная вещь: спасение не принесло радости домой. Моя семья - все знатные летчики, чьи портреты висели в Зале Славы - смотрела на меня с неловкостью. Отец положил тяжелую руку мне на плечо.

- Мы гордимся тобой, сын. Ты сделал великое дело. Но... - он запнулся, глядя на мои большие, чувствительные перепонки крыльев. - Ты победил болезнь, сидя в четырех стенах. Не в небе. Это не наш путь.

«Наш путь» вел к гибели, пока я его не изменил. Но слова застревают в горле. Я снова почувствовал себя тем самым странным птенцом, который предпочитает землю облакам.

Именно тогда, когда эта горечь была особенно острой, пришло сообщение. Извне. Межгалактическая Медицинская Академия «Асклепион». Они слышали о «Резонансе». Их не интересовало, как я летаю. Их интересовало, как я думаю. Как я использовал то, что все считали недостатком - сверхчувствительность своих крыльев - чтобы почувствовать болезнь, которую

не видели приборы. Они предлагали место среди тех, для кого «непохожесть» - не клеймо, а дар.

Я долго смотрел на приглашение. Потом вышел на открытую площадку, на самый край нашей пещеры. Ветер играл моими перьями, звал в полет. Но он звал не в знакомое небо Ветреи, а куда-то дальше. Туда, где болезни сложнее, а вызовы - грандиознее. Туда, где, может быть, я наконец-то перестану быть «Флари-странным» и стану просто Флари, врачом.

И была еще одна, глубокая и спрятанная, причина. Одиночество. На Ветрее все строилось на летном братстве, на четкой иерархии. У меня не было в этом места. Мое сердце, моя натура жаждали другого - настоящей близости, доверия, тепла другого существа. Простого понимания. Здесь этого не находилось. А среди звезд... кто знает?

Я отправил подтверждение. А через неделю стоял в доке, глядя на инопланетный корабль. Перед самым входом в шлюз я обернулся. Высоко в розовом небе парили патрульные, их силуэты были воплощением грации и силы. Часть меня рвалась к ним. Но вторая часть знала - мой путь лежит не здесь. Я глубоко вдохнул воздух дома, с его знакомым запахом озона и влажного камня, и шагнул на борт. Дверь закрылась с тихим шипением, отрезав меня от всего знакомого.

В груди было и пусто, и светло одновременно. Страшно. Невероятно страшно. Но впервые в жизни я чувствовал, что лечу не от чего-то, а к чему-то. К своему настоящему небу.

Глава 3

Эрго

На моей планете сила - это не преимущество. Это необходимость. Скорп - суровый мир. Наше солнце, старый и капризный карлик Итар, часто злится, обрушивая на поверхность волны убийственной радиации. Поэтому мы живем глубоко под землей, в Великих Пещерах, высеченных в скалах нашими предками. Воздух здесь всегда пахнет камнем, сыростью и озоном. Свет дают не солнце и луна, а тихое, холодное свечение мхов на стенах.

Мы, скорпианцы, - народ тихий и крепкий. Высокие, сильные, с бледной, почти белой кожей и глазами, которые видят в полумраке - фиолетовыми, сиреневыми, лиловыми. Мы ценим выносливость, упрямство и молчаливую верность своему делу. Смерть здесь - не трагедия. Она - часть жизни. Но есть смерть, которую здесь ненавидят больше всего. Она называется «Тихая Гниль».

Официально - синдром радиационного поражения тканей. Получали его шахтеры, разведчики поверхности, те, кто попадал под выбросы из геологических аномалий. Человек выглядит целым, но внутри что-то ломается. Раны перестают заживать. Кости становятся хрупкими, как сухой хворост. Орган за органом просто отказывает. Медленно. Неотвратно. Лекарства не было. Было только ожидание конца в глубинных бункерах, под свинцовыми плитами.

Меня зовут Эрго. В переводе со старого языка - «Оплот». Ирония в том, что я стал врачом. На Скорпе врачи - это не герои. Это те, кто имеет дело со слабостью, с поражением. Моя семья - инженеры, строители глубинных реакторов - смотрела на мой выбор с молчаливым неодобрением. Но меня манила не сила кулака, а сила ума. Сила, которая может починить то, что сломано.

Мой «подвиг» начался с катастрофы на шахте «Глубина-7». Тихий, невидимый выброс чего-то из разлома в скале. Двенадцать шахтеров получили дозу, от которой, как говорили старые врачи, «не отмыться». Их привезли в наш подземный госпиталь. Я, тогда еще ординатор, ассистировал на обходах. И видел их глаза. В них не было страха смерти. Была ярость. Ярость от беспомощности, от того, что ты просто медленно рассыпаешься, и никто не может это остановить.

Один из них, седой гигант по имени Борк, схватил меня за руку, когда я менял ему повязку. Его хватка была еще железной, но кожа под моими пальцами была странной - неэластичной, восковой.

- Эрго, - прохрипел он. - Ты из тех, кто думает. Пока другие орут или плачут, ты молчишь и смотришь. Так посмотри на нас. Неужели все? Просто сгнить заживо в этой каменной утробе?

Его слова врезались в меня, как нож. Он был прав. Это было не по-нашему. Мы умираем в бою с камнем, в схватке со стихией. А не так. Не от невидимой гнили.

В ту ночь я не пошел спать. Я остался в лаборатории, где в холодных камерах хранились образцы тканей от прошлых жертв «Тихой Гнили». Мне дали доступ - начальство, видя мое упрямство, махнуло рукой. «Копайся, Эрго. Если найдешь ответ, назовем твоим именем новый тоннель».

Я начал не с конца, а с начала. Не с того, как ткани умирают, а с того, что их убило. Изучил записи о выбросе. Высокоэнергетическое излучение. Оно не просто жарит, как огонь. Оно бьет по самым основам жизни, по тому, что заставляет клетки делиться и обновляться. Наши тела, привыкшие к фоновой радиации, имеют механизмы починки. Но против такого удара они бессильны - не успевают.

И тут у меня родилась идея. Безумная. Если механизмы починки не успевают, нужно им помочь. Не лечить последствия, а дать им инструмент, чтобы справиться с причиной сразу.

Как если бы в горящий дом не тащили воду ведрами, а вручили пожарным мощный шланг в момент, когда вспыхнула первая искра.

Но для этого нужен был «шланг». Вещество, которое найдет поврежденные клетки и заставит их чиниться в первую очередь. И «вода» - что-то, что нейтрализует саму причину разрушения внутри клетки.

Я работал как одержимый. Перебрал десятки составов из местных грибов и лишайников, которые росли в «горячих» зонах. Тестировал на облученных клеточных культурах. Девять попыток - полный провал. Клетки погибали. На десятой - они не погибли. Они просто... замерли. А потом, через несколько часов, начали показывать признаки жизни. Слабой, едва уловимой. Но это было что-то.

У меня не было времени на одиннадцатую попытку. У Борка начались первые признаки некроза на пальцах. Я пошел к главному хирургу, Торну. Человеку с лицом, словно высеченным из базальта. Положил перед ним данные и ампулу с моим раствором.

- Это или убьет его быстро, или даст шанс. «Тихая Гниль» убьет его наверняка и мучительно.

Торн долго смотрел на меня, потом на ампулу.

- Ты понимаешь, что если это провал, твое имя станет синонимом «самодура»? И мы похороним его вместе с тобой в самом дальнем тоннеле?

- Понимаю.

- На ком испытываем?

- На мне, - сказал я, не раздумывая.

Это была не храбрость. Логика. Если мой препарат убьет относительно здорового меня, он убьет и их. Эксперимент закончится, не начавшись.

Мне ввели первую дозу. Ощущения были не из приятных. Сначала - ледяной озноб, потом жар, будто меня поджаривали изнутри. Кости ломило. В глазах плясали тени. Я провел двое суток в изоляторе, а Торн и другие с холодными лицами наблюдали за моими показателями. На третий день жар спал. Анализы показали: странные маркеры разрушения в моей крови начали снижаться. Мои собственные, искусственно обожженные радиацией участки кожи стали заживать. Это был знак. Маленький, но знак.

Лечение Борка и других стало битвой за каждую пядь плоти. Мы вводили сыворотку, боролись с побочными эффектами. У одного отказали почки, у другого начался отек легких. Мы отвоевывали у болезни каждый день, каждый час.

Борк выкарабкался первым. Его ярость сменилась изнуренной, но живой усталостью. Он снова смог сжать мою руку - слабее, но осознанно. Некроз остановился. Раны, которые не заживали неделями, начали покрываться розовой, молодой кожей.

Мы спасли восемь из двенадцати. Четверо были слишком сильно повреждены. Их смерть я взял на себя. Не потому, что препарат не сработал. Потому что я не успел его сделать раньше.

Но восемь жизней... Восемь человек, которые вернулись к семьям. Метод называли «Терапией Эрго». Мне предлагали почет, должность. Моя семья молчала. Они не понимали. Их мир - это металл, камень, плазма реакторов. А мой мир - это невидимая война внутри клетки. Мы говорили на разных языках.

Именно тогда, когда я разбирал отчеты, пытаюсь понять, почему не спас тех четверых, пришло сообщение. Межгалактическое. Академия «Асклепион». Они узнали о «Тихой Гнили». Они изучили мой метод. Их вывод был прост: «Способность к нестандартному синтезу знаний в условиях критического дефицита времени представляет высочайшую ценность». Они предлагали мне бесчисленные болезни, катастрофы, ситуации, где нет готовых ответов. Где нужен тот, кто не боится невозможного.

«Асклепион» был шансом. Шансом научиться защищать не только скорпианцев.

Перед отлетом ко мне пришел Борк. Он ходил уже с палкой, но ходил.

- Улетаешь, Оплот?

- Улетаю.

- Там, наверху, - он кивнул в потолок, за которым были километры камня и яростное небо, - Задачи будут посложнее. Справишься?

- Попытаюсь.

Он хмыкнул.

- Ты сильный, Эрго. Не так, как мы. Ты сильный внутри. Это, порою, важнее кулаков.

Я вышел на поверхность только чтобы сесть на челнок. Багрово-лиловое небо Итара пылало, как адское зарево. Воздух обжигал легкие. Я в последний раз вдохнул запах родного камня - сухой, пыльный, вечный - и шагнул в стерильную утробу корабля.

Во время полета я смотрел, как Скорп превращается в ржавую бусину на черном бархате. Внутри было пусто. Я привык нести свои решения в одиночку. Не делиться сомнениями. Не показывать уязвимость. Здесь, среди своих, это было нормой. Там, среди лучших медиков галактики, это могло стать стеной. Но я умею со стенами. Их можно либо обойти, либо разрушить. Либо, если потребуется, использовать как щит.

Корабль нырнул в прыжок, и родной мир исчез. Осталась только тьма и тихий гул двигателей. Я сжал кулаки - большие, сильные, привыкшие к тяжелой работе. Но теперь их работа будет другой. Тонкой. Решающей. Я был готов. Не к славе. К труду.

Предлагаю горячую книгу из литмоба "Космические медики"

Ирион Зет" Космический госпиталь. Симбиоз"18+

<https://litnet.com/shrt/-q7W>

Космический госпиталь — последняя надежда для существ со всей Галактики. Здесь лечат неизлечимое, здесь сталкиваются с тем, что не поддается сканерам. Ледяной рационалист главный врач, импульсивный хирург и девушка-эмпат с Земли — трое медиков, которым не место в одной команде. Но когда на станцию приходит смерть, не имеющая ни названия, ни объяснения, их вынужденный союз оказывается единственным, что способно заглянуть в самую суть болезни. Но как быть, если их главное оружие против неё — это то, что нельзя измерить приборами?

Глава 4

Алиса

Если я думала, что видела будущее на орбитальных верфях, то жестоко ошибалась. Будущее оказалось тихим, почти беззвучным и безумно красивым.

Транспортный луч высадил нас не на палубу, а прямо в центральный атриум станции «Асклепион». Не было ни толчеи, ни суеты космопорта. Был... сад. Огромный, уходящий ввысь купол, залитый мягким, похожим на солнечный, светом. Воздух был прохладным и свежим, пахнул озоном, влажной землей и чем-то сладковатым, незнакомым. Под ногами мягко пружинил темно-зеленый мох, а вокруг, на причудливых конструкциях, вились настоящие живые лианы с цветами, которые плавно меняли цвет от голубого к фиолетовому.

Людей вокруг почти не было. Лишь несколько таких же, как я, ошеломленных новичков, тихо брели по указанным на полу пульсирующим световым дорожкам. Но были и другие. Мелькнула высокая, тонкая фигура с кожей цвета морской волны и большими, полностью черными глазами. Проплыло что-то, напоминающее трехногую медузу, переливающуюся перламутром. И я увидела его.

Он стоял у основания какого-то скульптурного дерева, почти сливаясь с фоном. Высокий, очень высокий, с бледной, почти фарфоровой кожей и темными, почти черными волосами. Но больше всего поражали глаза - глубокого, насыщенного фиолетового цвета. Он смотрел не по сторонам, а вверх, на купол, и в его взгляде читалась спокойная, сосредоточенная оценка. Как инженер смотрит на сложный механизм. Скорпианец. Я где-то видела описание. Мир с жесткой радиацией. Он казался каменной глыбой посреди этого рукотворного рая.

Световая дорожка повела меня дальше, и я потеряла его из виду. Регистрация прошла в тишине. Никаких очередей, бумаг. Меня «просканировал» луч света, мягкий женский голос назвал мое имя и присвоил идентификатор: «Кандидат Алиса Романова, Земля. Отсек 7-Дельта, группа «Гипатия». Ваш гид будет ожидать».

В отсеке оказалась не комната, а... кокон. Небольшое, уютное пространство с мягкими, полупрозрачными стенами, которые можно было сделать непроницаемыми. Все необходимое было встроено в них. Ничего лишнего. Из стены тихо выполз небольшой дрон, похожий на металлического паука с одним голубым «глазом».

- Я - ваш куратор-гид, - пропищал он тонким голосом. - Следуйте за мной на вводный инструктаж.

Инструктаж проходил в огромном амфитеатре, наполовину виртуальном. Нас было около пятидесяти. Видов - с десяток. Мы сидели, стараясь не пялиться друг на друга, когда в центре зала материализовалась голограмма пожилой женщины с седыми волосами и теплым, но невероятно острым взглядом.

- Добро пожаловать в «Асклепион», - ее голос звучал в ушах каждого на его родном языке. - Я - ректор Эйла Тан. Вы здесь потому, что в критический момент думали, когда другие слепо следовали правилам. Забыли этот навык. Здесь он - ваш единственный спасательный круг.

Она обвела взглядом зал.

- Через час начнутся ваши первые симуляции. Мы не будем проверять ваши знания. Вам нечему учиться, вы все замечательные специалисты. Вы будете работать. А мы будем изучать вас. Ваши инстинкты. Вашу этику. Вашу устойчивость к провалу. И ваша задача - не сломаться. Приступайте.

Никаких напутствий, пожеланий удачи. Только холодный душ реальности.

Первая симуляция застала меня в коридоре. Стены вдруг поплыли, превратившись в обшивку аварийного шаттла. Замигали тревожные огни, завывла сирена. Голос в ушах: «Разгерметизация в грузовом отсеке. На борту три формы жизни: пилот-человек, раненый андроид

с кислотным охладителем и беременная самка вида «Ксилота» с хрупкой экзоскелетной оболочкой. Время до полной потери давления: 90 секунд. Ваши действия?»

Это была не медицинская задача. Это был этический тест на сортировку в чистом виде. Мозг завис. Андроид - техника, но раненый и опасный. Ксилота - инопланетянка, хрупкая, двое жизней. Пилот - свой, человек.

- Изолировать отсек с андроидом! - выкрикнула я почти не думая. - Надеть на ксилоту гермочехол из аварийного запаса и эвакуировать с пилотом через ближайший шлюз!

Симуляция замерла. Голос проговорил: «Решение принято. Андроид уничтожен взрывом охладителя. Ксилота и плод спасены. Пилот спасен. Оценка: приемлемо. Обоснование?»

- Андроид представлял непосредственную угрозу для всех из-за возможной утечки кислоты в условиях разгерметизации, - сказала я, все еще переводя дыхание. - Приоритет - максимальное количество биологических жизней с учетом фактора времени.

Симуляция исчезла. Я стояла в том же коридоре, но пот катился градом по спине. Я только что приговорила разумное существо, пусть и машину, к смерти. И система сказала «приемлемо».

Следующие дни стали чередой таких кошмаров. Меня бросали в эпидемию с неизвестным патогеном и давали три противоречащих друг другу совета от «местных властей». Заставляли проводить операцию на инопланетном анатомическом тренажере, где органы были в совершенно других местах, а кровь была зеленой и вязкой. Кормили пастой, которая на вкус напоминала мед с добавлением металла. Все было чужим. Все ломалось о привычные земные шаблоны.

В перерыве между симуляциями я забрела в небольшую комнату отдыха с иллюминатором в открытый космос. Там уже кто-то был. Он сидел на полу, прислонившись к стене, и смотрел в звезды. Это был тот самый скорпианец. Вблизи он казался еще более массивным. Но сейчас его огромное тело выглядело...усталым.

- Мешаю? - спросила я тихо, не желая нарушать его уединение, но и не зная, куда еще деться.

Он медленно повернул голову. Фиолетовые глаза встретились с моими. В них не было ни враждебности, ни интереса. Была глубокая, спокойная усталость.

- Нет, - его голос был низким, бархатным, звучал чуть гортанно. - Место общее.

Я кивнула и присела у противоположной стены, тоже глядя в иллюминатор. Тишина повисла между нами, но она не была неловкой. Она была... разделенной. Как будто мы оба прошли через один и тот же ад и теперь молча отряхивались.

- Они заставили тебя выбирать, кого сбросить с воздушного шара? - неожиданно спросил он, не глядя на меня.

Я фыркнула - произвольный, нервный смешок.

- Хуже. Кого оставить умирать от нейротоксина с ограниченной дозой антидота. У меня была беременная рептилоидная особа, ребенок-гибрид и старый ученый, который, возможно, знал формулу противоядия.

- И?

- И я вколола антидот ученому. Он выжил, формулу восстановил по памяти. Остальные умерли. Система поставила «отлично». - Голос сорвался. Я до сих пор чувствовала во рту привкус той виртуальной горечи.

Он кивнул, как будто это была самая обычная история.

- Меня заставили провести ампутацию у существа с регенерационной биологией. Отрезанная конечность могла отрасти за неделю. Но без ампутации токсин убил бы его за час. Я отказался. Система выдала «неудовлетворительно. Чрезмерная эмоциональная привязанность к конкретной биологической форме».

Я посмотрела на него. Его лицо было непроницаемым, но в уголке глаза дрогнула крошечная мышца.

- А что было на самом деле? - спросила я.

- Я нашел способ ввести антитоксин напрямую в кровоток, минуя лимфатическую систему, которую он уже поразил. Потратил на поиск метода вдвое больше времени. Конечность удалось спасти. Система это не засчитала. Сочла за «отказ от выполнения прямого указания».

- Зато вы спасли конечность, - сказала я.

- Да, - он просто сказал «да». Как констатацию факта.

В дверь заглянул мой паучок-гид. «Кандидат Романова, следующая симуляция: ксенопсихология и коммуникация. Проследуйте, пожалуйста».

Я поднялась.

- Удачи, - сказала я скорпианцу.

- И вам, - кивнул он.

Его имя я узнала только вечером, когда на стену моего кокона проецировался список группы «Гипатия». Среди имен и видов значилось: Эрго, Скорп. Специализация: экстремальная медицина, радиационная и травматологическая патология. Эрго. Оплот. Подходящее имя.

Перед сном, который никак не шел, я вызвала на стену общую статистику первого дня. Высокие баллы за «адаптивность мышления» и «принятие решений в условиях неопределенности». Низкие - за «межвидовую коммуникацию» и «следование установленным процедурам». Комментарий куратора: «Кандидат демонстрирует выраженную земную предвзятость. Требуется коррекция. Рекомендовано назначить в пару для следующих симуляций с кандидатами негуманоидных видов.»

Я выключила свет. В темноте, сквозь полупрозрачную стену, мерцали далекие звезды. Я думала о симуляции с выбором, о фиолетовых глазах Эрго, о его тихом «да». Здесь все было иным. Здесь мои прежние победы значили мало. Здесь нужно было заново учиться не просто быть врачом.

Глава 5

Флари

Первый день на «Асклепионе» сбил меня с ног. Если на Ветрее все было привычно и предсказуемо, то здесь я чувствовал себя так, будто пытаюсь лететь с завязанными глазами сквозь ураган. Все было другим: непривычная, подстраивающаяся гравитация, воздух, в котором смешались ароматы двух десятков планет, и тихий, но постоянный гул - будто бы сама станция была живым существом с бьющимся искусственным сердцем.

И что самое удивительное - мою особенность, мои чуткие крылья, здесь не считали странностью. Их... изучали. На первом же медосмотре меня поместили в капсулу, которая мягко обволокла мои крылья. Я чувствовал, как невидимые датчики сканируют каждую прожилку, каждое нервное окончание. Это не было больно. Но от этого становилось жутко - будто тебя раздели при всех, но смотрят на тебя не с осуждением, а с холодным, безразличным любопытством.

- Повышенная чувствительность к температуре и химическим веществам, - прозвучал безличный голос, а на экране появился текст. - Можно использовать для помощи в диагностике сложных случаев, когда непонятно, чем болен пациент.

Именно эту мою «особенность» учли в моем расписании. Мои первые серьезные занятия начались с продвинутой иммунологии. Аудитория была круглой, а в центре горели голограммы. Преподаватель, существо, похожее на разумный мерцающий коралл, объяснял, как иммунные системы разных существ могут бороться с общими угрозами. Его голос звучал прямо у меня в голове.

Я слушал, затаив дыхание. Дома мы учили только свою, ветрейскую, биологию. А здесь открывалась вся вселенная общих законов: как клетки одного мира могут распознать болезнь из другого и как это знание помогает создавать лекарства для всех. Это был новый язык, и я жадно впитывал каждое слово.

Сразу после теории нас ждала практика. Нас, десять кандидатов со всех уголков космоса, провели в симуляционный блок - большую белую пустую комнату.

- Сейчас вы окажетесь на борту грузового судна, где произошла вспышка неизвестной болезни, - объявил голос. - Ваша задача - оценить ситуацию, взять пробы и предложить, как не дать болезни распространиться. Работайте вместе.

Стены комнаты исчезли, и мы оказались в тесном, плохо освещенном грузовом отсеке. Вокруг лежали манекены-пациенты, совсем непохожие друг на друга. Один, похожий на человека, горел в лихорадке, а его кожа отливала синевой. Другой, покрытый прочным панцирем, с трудом дышал, и из-под его хитина сочилась пена. Наша команда на мгновение застыла в нерешительности. Все мы были лучшими у себя дома, привыкшими работать в одиночку. А тут нужно было действовать сообща.

Первым очнулся высокий скорпианец по имени Эрго, самый серьезный из нашей группы. Он молча подошел к тому, кто казался ему в худшем состоянии, и начал проверять его показатели. Его движения были точными и уверенными.

А я направился к существу в хитиновом панцире. Стандартный сканер в моей руке гудел, выдавая путанные данные. И тогда я сделал то, что подсказал мне инстинкт. Я осторожно расправил крыло, накрыв пространство вокруг пациента. Закрыв глаза, отдавшись другим чувствам. И я почувствовал. От пациента исходил не жар, а странный, неровный холодок в такт его тяжелому дыханию. И в воздухе витал резкий, едкий, почти электрический запах. Это было похоже на химический ожог.

- Это не инфекция! - выкрикнул я, открывая глаза. - У него отравление! Возможно, где-то рядом утечка какого-то реактива! Нужно срочно проверить воздух!

Эрго поднял на меня взгляд. Его фиолетовые глаза изучали меня.

- Сканер показывает воспаление, - глухо произнес он.

- Сканер ищет микробы! - возразил я. - А это химия! Я чувствую эту щелочь!

Я не был уверен, что он мне поверит. Но он, не споря, кивнул и шагнул ко мне, переключая свой, более сложный сканер, на поиск ядов. Пока он это делал, я обернулся к остальным.

- Всем, у кого есть симптомы - срочно изолировать и промыть дыхательные пути! Ищите, откуда могла пойти утечка!

Команда ожила. Кто-то бросился искать воображаемую трещину в контейнерах, кто-то начал эвакуацию «пострадавших». Эрго подтвердил: в воздухе - следы опасной щелочи. Симуляция сменилась. Теперь мы перенеслись в лабораторию, где нужно было на месте создать противоядие для нашего пациента в хитине.

И здесь мы с Эрго впервые столкнулись лбами. Его метод был основан на сильной, быстрой кислоте, которая должна была нейтрализовать яд. Мой - на мягких, органических веществах, которые бережно связали бы отраву, не повредив и так травмированные ткани.

- Твой способ слишком медленный, - сказал Эрго, и в его бархатном голосе звучала железная уверенность. - Яд продолжает действовать.

- Твой метод добьет пациента! Он и так еле держится! - выпалил я, и внутри все закипело от знакомого упрямства. Точно так же я когда-то спорил с консервативными врачами дома, спасая Тейлу.

Мы уставились друг на друга. Он - непробиваемый и холодный. Я - с пылающими от азарта щеками.

- Симуляция позволяет проверить оба метода на виртуальных моделях, - раздался нейтральный голос системы.

Мы, не сговариваясь, развернулись к своим консолям. Я чувствовал его тяжелый, оценивающий взгляд у себя за спиной. Я вводил данные, дрожащими от волнения пальцами подбирал компоненты - того самого упрямства, что уже однажды все изменило.

Результаты вывелись на общий экран. Метод Эрго работал мгновенно, но виртуальный пациент «погибал» через час от внутренних повреждений - его агрессивное лечение разрушало тонкие оболочки. Мой метод действовал медленнее, но пациент «выживал», хоть и восстанавливался дольше.

В зале повисла тишина.

- Вывод, - прозвучал голос нашего учителя-коралла. - Ни один способ не подходит для всех. Решение кандидата Флари лучше для этого хрупкого существа. Решение кандидата Эрго могло бы спасти того, чьи ткани крепче. Медицина - это не только знание болезни. Это знание самого пациента.

Симуляция выключилась. Мы снова стояли в белой пустой комнате. Я обернулся к Эрго. Он смотрел на экран с результатами, его лицо было задумчивым. Потом он кивнул мне - коротко, едва заметно. Это было признание... того, что возможен и другой путь.

После занятий, когда я летел (вернее, парил в слабой гравитации коридоров) к своей каюте, я увидел ее. Ту самую землянку, Алису. Она сидела на выступе у огромного окна, что-то быстро строча в планшет. Выражение лица у нее было сосредоточенное и недовольное - будто она спорила с кем-то невидимым и пока что проигрывала.

Я замедлил полет. Она подняла взгляд, и наши глаза встретились. Всего на секунду в ее взгляде мелькнуло что-то родное - та же усталость от постоянной борьбы с чужими и непонятными правилами. Я робко улыбнулся. В ответ она лишь криво скривила губы - это было скорее гримасой, чем улыбкой - и снова уткнулась в планшет.

Этот мимолетный контакт странным образом согрел мне душу. Здесь, среди гениев и инопланетян, были те, кто, как и я, чувствовал себя чужаком. Кто боролся изо всех сил. Кто спорил с системой и с самим собой.

Вернувшись в свою кабину-кокон, я вызвал на стену отчет о сегодняшней симуляции. О моих действиях там было написано: «Кандидат показал выдающуюся чувствительность и нестандартный подход. Нужно учиться лучше работать в команде и обращать внимание на общую картину.»

А ниже, в разделе о работе группы, была короткая пометка: «Замечен полезный спор/сотрудничество с кандидатом Эрго. Оба сильно верят в свои методы, основанные на разном опыте. Рекомендуем давать им сложные задания вместе, чтобы они учились дополнять друг друга.»

Я лег на упругую платформу, служившую кроватью, и расправил крылья. Мои мембраны, все еще помнящие утреннее сканирование, ловили слабую вибрацию станции. Сегодня я использовал свою «странность» как оружие. И меня не высмеяли. Меня увидели. Причем не только бездушная система.

Я думал о твердом, спокойном взгляде скорпианца и о мгновенной, живой искре раздражения в глазах землянки. Это были не просто одноклассники. Это были возможные союзники. Или достойные соперники. И от этой мысли сердце билось чаще не только от профессионального азарта. Здесь, на «Асклепионе», начинало вырисовываться что-то большее, чем просто учеба. Начинала вырисовываться команда. Или нечто, что могло ею стать.

Глава 6

Эрго

На Скорпе экзамены были понятны. Либо ты поднимаешь гирю, либо нет. Либо ты помнишь схему, либо провалился. Все просто. А здесь, в «Асклепионе», все перевернулось с ног на голову. Здесь проверяли не то, что ты заучил, а то, как ты думаешь. И это оказалось в тысячу раз страшнее и сложнее.

Первый серьезный тест называли «Силовое реагирование». Нас, двадцать человек, завели в огромный зал, где гравитация жила своей жизнью, а на пути стояли преграды. Нужно было добраться до «тяжелораненого» в конце пути, пробираясь через имитацию обрушений, лужи неизвестной жижи и зоны, где то тяжелели ноги, то тело норовит улететь в потолок. И все это - с полной сумкой оборудования.

Для скорпианца это должно было быть разминкой. И сначала так и было. Я шел, почти не замечая прыгающей тяжести. Мои мышцы, выросшие под настоящей нагрузкой, справлялись легко. Я перелезал через завалы, отбрасывал падающие «балки». Я обгонял многих. Но когда я наконец добрался до «пострадавшего» - манекена, изображавшего хрупкое существо в панцире - меня ждала ловушка. Его нужно было вытащить из-под завала, не сломав. И моя сила оказалась против меня. Первый же захват оставил на пластиковом панцире трещину. Система тут же холодно сообщила: «Вторичная травма. Штраф».

Дома я бы просто вытащил товарища, не глядя на синяки. Здесь же каждая царапина для кого-то могла стать смертельной. Пришлось сбавить скорость. Действовать не мышцами, а головой. Тратить драгоценные секунды, чтобы найти, куда поставить руку, как схватить аккуратно. В итоге я пришел не первым, а где-то в середине. Оценка гласила: «Сила есть. Тонкости нет. Не чувствует пациента». Это было горько. Моя главная опора, моя сила, вдруг обернулась против меня.

Следующим был клинический экзамен. Меня одного завели в симуляционную палату, где на столе лежал умный манекен, умеющий притворяться десятками видов. Моим пациентом оказалось что-то вроде большого дрожащего желе с глазками на стебельках. Диагноз: внутреннее кровотечение, причина неизвестна. Датчики показывали, что жизнь уходит.

Я начал как учили: сканирование, осторожное ощупывание. Но манекен был хитер. Как только я попытался ввести стандартное средство для свертывания крови, «ткани» вокруг стали отмирать. Это была странная, смертельная иммунная реакция. Время текло сквозь пальцы. Виртуальные часы отсчитывали последние минуты. Внутри у меня все сжалось в ледяной ком. Паниковать было нельзя - некогда. Нужно было соображать.

Я выключил сканер и просто смотрел. Прислушался к тихому гулу симулятора. И вдруг вспомнил. Тот самый случай с «Тихой Гнилью». Когда все шло не по правилам, и нужно было догадаться, в чем тут соль.

Кровь этого существа была не красной, а синеватой. В ее основе была медь, а не железо. Обычные лекарства действовали на нее как яд. Нужно было не свертывать кровь, а... заделать дыру. Сделать временную заплатку из чего-то, что его тело примет за свое. Я запросил у системы разрешение на хирургический клей с добавлением меди - чтобы обмануть иммунитет. Разрешение дали. Я нашел крошечный, слабо пульсирующий разрыв и с ювелирной осторожностью нанес клей, создав эластичную пробку. Давление выровнялось. Пациент «остался жив».

Выйдя из симулятора, я был мокрым от напряжения, но внутри горел огонь - я справился. Не грубой силой, а догадкой. В коридоре я увидел Флари и землянку, Алису. Они стояли у большого экрана с результатами, горячо о чем-то споря. Флари размахивал крыльями, его лицо

светилось. Алиса слушала, кивала, потом что-то возражала, и между ее бровей появлялась та самая упрямая складка, которую я заметил еще в первый день.

Я притормозил, наблюдая украдкой. Между ними было что-то легкое. Живое. Они спорили, но это был спор своих, а не чужих. Флари что-то показывал ей на планшете, она хмурилась, но соглашалась. Потом она взглянула на него, и ее взгляд смягчился.

В груди кольнуло что-то неприятное и знакомое. Не злость. Что-то глубже - чувство, что ты стоишь за стеклом. На Скорпе я всегда был немного не таким. Сильным, но не своим. И здесь, казалось, все повторялось. Они - Флари с его чутьем и Алиса с ее земной прямоотой - находили общую волну. А я оставался каменной глыбой, полезной в драке, но неуклюжей в простом разговоре. Я уже собрался пройти мимо, но Алиса подняла глаза и заметила меня.

- Эрго! - окликнула она. - Идешь смотреть?

В ее голосе не было ничего, кроме обычной дружелюбности. Флари тоже обернулся, и в его глазах мелькнул тот самый интерес, что был во время нашей первой симуляции.

- Да, - коротко бросил я, подходя.

- Ты только что из клиники? - спросил Флари. - Кто попался?

- Желеобразный. С синей кровью, на обычные лекарства выдавал шок.

- И что же сделал? - в голосе Алисы послышалось неподдельное любопытство.

Я кратко описал ситуацию и свое решение. Они слушали, не перебивая.

- Клей с медью... - тихо проговорил Флари, и его крылья чуть вздрогнули, будто он пробоval эту идею на ощупь. - Умно. Не стал ломать, а подстроился.

- Рискованно, - сказала Алиса, но в ее глазах читалось одобрение. - Малейшая ошибка - и анафилактический шок. Но другого выхода не было. Хорошая работа.

Простое «хорошая работа» от нее задело что-то глубоко внутри. Дома хвалили редко и скупно. Здесь это прозвучало по-настоящему.

- Спасибо, - сказал я. - А вы?

Оказалось, они только что вдвоем прошли симуляцию по сортировке раненых при массовом наплыве. Флари своим чутьем выискивал скрытые травмы, а Алиса принимала жесткие решения, кому помогать в первую очередь.

- Мы чуть не поссорились, - усмехнулась Алиса, и эта улыбка почему-то заставила меня отвести взгляд. - Он настаивал, чтобы проверить одного трехглазого на внутреннее кровотечение, а я кричала, что нет времени и надо вывозить тех, кто может идти. В итоге он оказался прав. У того трехглазого начиналось кровотечение.

- Но ты была права в другом, - парировал Флари, и в его тоне слышалась легкая, почти шутливая защита. - Если бы мы застряли с его полной диагностикой, не успели бы вывезти двоих с отеком легких. Сошлись на быстром УЗИ на бегу.

Они переглянулись, и между ними пробежала та самая теплая искра понимания, которой мне так не хватало. Я чувствовал себя зрителем в чужом спектакле, где у всех есть свои роли.

- Результаты, - я кивнул на экран, стараясь говорить ровно.

Мы подошли ближе. Мои баллы были высокими в «диагностике вслепую» и «выносливости», но средними в «работе в команде» и «умении успокоить пациента». У Флари - блестящие оценки за «нестандартный подход» и «чувствительность», но штрафы за «импульсивность» и «пренебрежение правилами». У Алисы - высший балл за «решения в критической ситуации» и «лидерство», но низкие за «понимание чужих форм жизни» и «гибкость в лечении».

Мы молча изучали эти сухие строчки, словно читали друг о друге тайные признания.

- Забавно, - наконец сказал Флари. - Мы как три обломка от разных механизмов. Которые вроде бы и не должны совпасть.

- Или как три разных инструмента, - добавила Алиса, глядя на меня. - Ты - мощный и точный скальпель. Флари - чуткий датчик. А я, - она усмехнулась, - похоже, я тот, кто решает, когда резать, а когда нет.

Ее самоирония была неожиданной и точной. В этом не было обиды, лишь честный взгляд. Это заставило меня взглянуть на нее иначе.

- Может, в этом и есть смысл? - неожиданно для себя сказал я. - Не стараться стать одинаковыми. А понять, как наши различия могут работать вместе.

Флари замер, его крылья задумчиво сложились.

- Ты имеешь в виду... команду? - спросила Алиса, и в ее голосе послышался интерес.

- Не команду. Возможность, - уточнил я. - Если моя сила опасна для хрупкого пациента, значит, такого пациента должен вести тот, у кого руки нежнее. - Я посмотрел на Флари. - А если его чутье пропускает то, что видит сканер, значит, нужен кто-то, кто доверяет технике. - Я кивнул Алисе.

Они оба смотрели на меня, и в этот миг я не чувствовал себя лишним. Я чувствовал себя тем, кто видит всю картину целиком.

- Звучит... разумно, - медленно сказала Алиса.

- И пугающе, - добавил Флари, но глаза его горели. - Потому что это значит доверить другому то, в чем ты уверен сам.

Прозвучал мягкий сигнал, созывающий на вечернюю лекцию. Наше мимолетное единение рассыпалось.

- Увидимся, - сказала Алиса, направляясь к выходу.

- Да, - кивнул Флари, ловя крыльями поток воздуха, чтобы оттолкнуться.

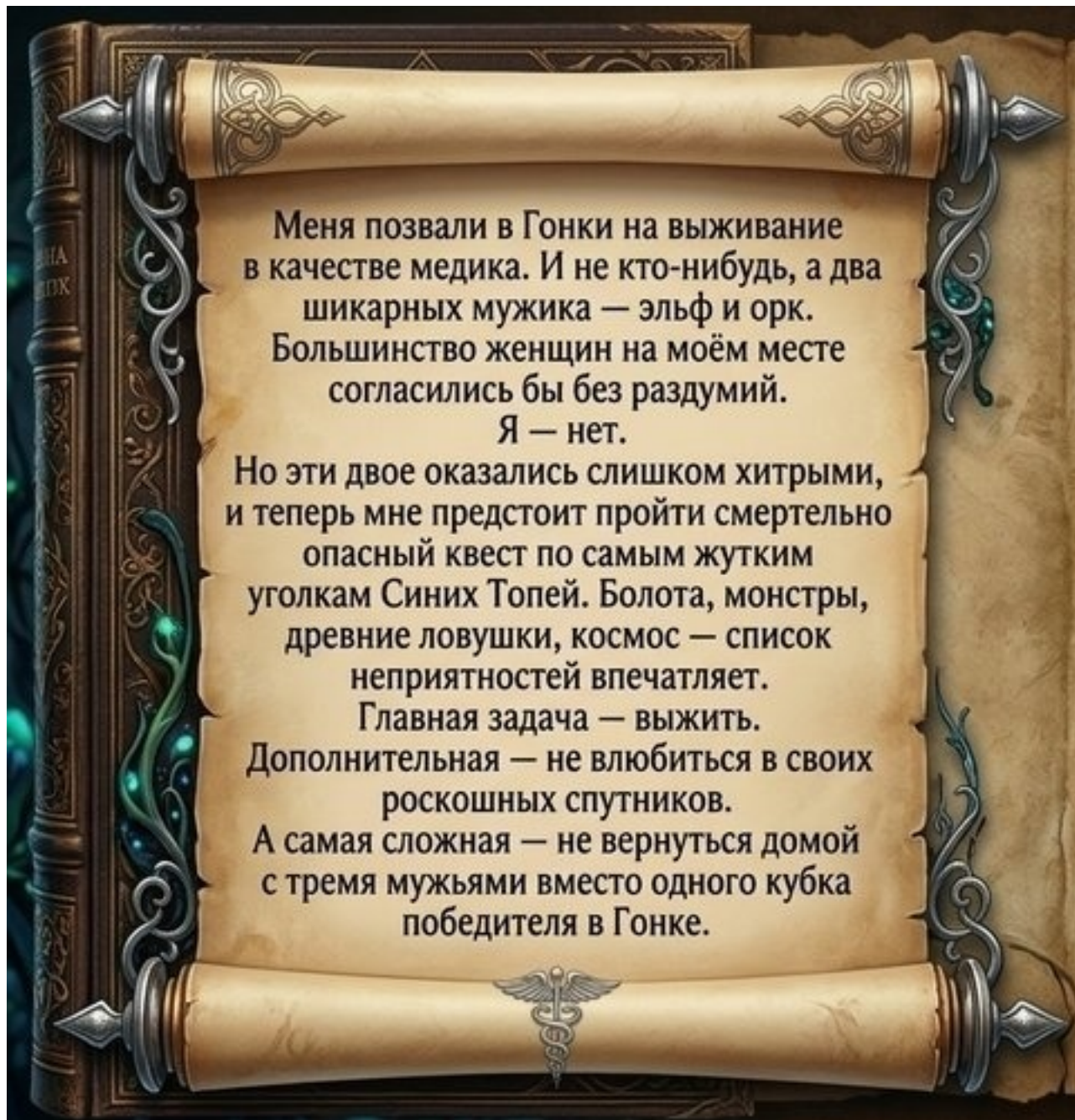
Я остался на мгновение один перед экраном, где светились три наших разных портрета. Тревога и та глухая ревность, что кольнула меня, не исчезли. Они просто отступили, уступив место ясной, холодной мысли. Возможно, я никогда не научусь их легкости. Возможно, они никогда не поймут моей упрямой решимости. Но там, где одна ошибка может стоить жизни, наша непохожесть может стать не слабостью, а единственным шансом.

Оставался только один вопрос: сможем ли мы, такие разные, когда-нибудь по-настоящему довериться друг другу? Или так и останемся тремя яркими, но одинокими точками на одной карте?

Развернувшись, я твердым шагом пошел на лекцию.

Горячая книга из нашего литмоба

<https://litnet.com/shrt/y1LS>

Глава 7

Алиса

Клиническая практика началась на второй неделе. Теория и тренировки на симуляторах - это одно. Совсем другое - когда перед тобой лежит живое, дышащее существо, и его жизнь зависит не от твоего выбора в виртуальности, а от реальных движений твоих рук.

Меня определили в хирургическое отделение. Оно называлось «Полиморф». Здесь оперировали тех пациентов, чье устройство не вписывалось ни в земные, ни даже в обычные космические представления. Моим первым наставником стал доктор Зур, существо, похожее на разумного моллюска, который умел ходить. Его «руки» были гибкими щупальцами с крошечными хирургическими инструментами на кончиках.

- Кандидат Романова, - проскрипел он, - сегодня вы ассистируете. Пациент - молодой особь вида «Кильта». Удаление воспаленного отростка. Только не ищите аппендикс. У них его нет. У них в третьем желудке есть спиральный клапан, который иногда воспаляется. Ваша задача - подавать инструменты и стараться не дышать прямо на операционное поле. Ваши земные микробы могут для него быть аллергеном.

Я кивнула, чувствуя, как ладони под перчатками становятся влажными. За стеклом операционной лежало существо, напоминающее помесь оленя и ящерицы, покрытое переливающейся чешуей. Оно спало под наркозом, его бока ровно поднимались и опускались.

Операция началась. Зур работал с невообразимой скоростью и точностью. Его щупальца двигались как самостоятельные существа, делая разрез, прижигая сосуды, отодвигая ткани. Моя роль свелась к тому, чтобы угадывать, какой инструмент ему понадобится следующим, и вкладывать его в ожидающее щупальце. Первые десять минут я все время немного опаздывала. Потом попала в ритм. Это был танец, где я была лишь тенью партнера, но танец, от которого зависела жизнь.

И в самый ответственный момент, когда Зур отделял воспаленный клапан, у пациента случился внезапный, сильный спазм. Внутренности сместились. Обнажился не тот сосуд, который ждали. Струйка желтой, густой жидкости брызнула в сторону.

- Гемостатик! Скорее! - скомандовал Зур, и его голос впервые потерял обычную бесстрастность.

Моя рука уже тянулась к нужному инструменту. Я вложила его в щупальце. Зур мгновенно наложил зажим. Самое опасное было позади. Он бросил на меня быстрый взгляд своим единственным, сложным глазом - и в нем мелькнуло нечто, похожее на одобрение.

- Неплохо. Для первого раза.

После операции, когда я снимала халат в дезинфекционной камере, меня наконец накрыла дрожь. Но это была дрожь не страха, а какого-то странного, почти восторженного возбуждения. Я сделала это. Настоящее дело. Настоящая помощь.

В следующие дни практики я увидела многое. Принимала роды у расы, чьи детеныши появлялись на свет в защитной капсуле - ее нужно было вскрыть с филигранной точностью, чтобы не повредить зародышевые лепестки. Лечила ожоги от плазменной вспышки у инженера-скалы, чья кожа была на основе кремния. Каждый раз под скальпелем или датчиком открывался целый новый мир.

За ужином в общей столовой я ловила себя на том, что непроизвольно ищу в толпе знакомые лица. Флари обычно сидел с группой кандидатов с воздушных или водных миров, его крылья то складывались, то слегка расправлялись, когда он оживленно о чем-то рассказывал. Эрго чаще был один. Он сидел за отдельным столиком, медленно и методично съедая свою порцию питательной пасты, его фиолетовые глаза смотрели вдаль, будто он решал в уме какую-

то сложную задачу. В один из вечеров я не выдержала. Взяв свой поднос, я подошла к его столу.

- Место свободно? - спросила я, стараясь звучать легко.

Он взглянул на меня, слегка удивившись, затем кивнул.

- Свободно.

Я села. Между нами повисло неловкое молчание. Он продолжал есть.

- Как практика? - наконец спросила я.

- Интересно, - ответил он, отложив ложку. - Сегодня был пациент с сильными радиационными ожогами. Вид, который почти не умеет сам восстанавливаться. Пришлось ставить искусственную основу для роста новых тканей.

- И как? - спросила я, с интересом наклонившись.

- Выживет. Но способ... грубоват. - Он посмотрел на свои большие, сильные руки. - У себя дома я бы применил другую методику. Но их организм ее не принял бы. Пришлось изобретать на ходу.

- Знакомое чувство, - вздохнула я. - Сегодня помогала пересаживать орган для фотосинтеза разумному растению. Думала, задохнусь от страха. Одно неверное движение - и он больше не смог бы питаться светом.

Уголок его губ дрогнул. Это было почти улыбкой.

- Растение-пациент. Это что-то новое.

Мы проговорили еще минут десять - о больных, о методах, о том, как странно применять земные или скорпианские знания к существам, устроенным совершенно иначе. Разговор был деловым, но в нем была та самая нить взаимопонимания, которая возникла, когда мы разбирали наши экзаменационные оценки. Мы говорили на одном языке - языке проблем, которые нужно срочно решить.

Потом я заметила, как к нам направляется Флари. Он выглядел взволнованным.

- Алиса! Эрго! Вы только посмотрите, что выложили в общий доступ! - он протянул свой планшет.

На экране была схема завтрашней симуляции. Сложная, многоуровневая: авария на исследовательском корабле, у экипажа - и отравление, и травмы, и возможная инфекция. Команды формировались автоматически, по итогам предыдущих работ.

- И? - спросила я.

- Посмотрите на состав команд! - его крылья нервно вздрогнули.

Я пробежала глазами по спискам. И замерла. Наши три имени стояли в трех разных командах. Меня назначили лидером группы с двумя кандидатами, чьи профили показывали высокие баллы за четкость, но низкие за умение импровизировать. Эрго попал в группу «силового реагирования». Флари - в группу «лабораторной диагностики и анализа угроз». Нас раскидали, как детали разобранного пазла, который только-только начал складываться в картинку.

- Они специально, - тихо сказал Флари. - Они видят, что у нас начинает получаться работать вместе. И ломают это. Проверяют, сможем ли мы действовать по отдельности.

Эрго молча изучал списки. Его лицо было непроницаемым.

- Логично, - произнес он наконец. - Если мы зависим друг от друга, мы - слабое звено. Настоящая команда должна быть универсальной. Или, по крайней мере, ее части должны уметь работать сами по себе.

- Но это же неверно! - вырвалось у меня с неожиданной горячностью. - Мы не зависим! Мы... дополняем друг друга! И мы только начали понимать, как это работает!

Я поймала на себе удивленный взгляд Эрго. Флари смотрел на меня с одобрением.

- Она права, - сказал Флари. - Они проверяют нашу самостоятельность, а мы только открыли, как здорово можем взаимодействовать. Это несправедливо.

- В «Асклепионе» справедливость не главное, - глухо ответил Эрго. - Главное - результат. Значит, завтра мы должны блестяще справиться по отдельности. Чтобы доказать, что вместе мы - осознанный выбор, а не вынужденная мера.

Его слова повисли в воздухе, тяжелые и неоспоримые. Он был прав. Вечером, готовясь ко сну, я не могла выбросить из головы эту мысль. Выбор, а не необходимость. Что, если наша зарождающаяся связь - просто удачное стечение обстоятельств? Удобное совпадение навыков? А что, если завтра, в своих отдельных командах, мы поймем, что и без друг друга справляемся отлично? Станет ли тогда наша тройка ненужной?

И от этой мысли стало не по себе. Потому, что рядом с этими двумя - с упрямым, чувствующим Флари и непоколебимым, по-настоящему сильным Эрго - я впервые с момента прибытия сюда перестала чувствовать себя одинокой. С ними мои решения не казались жестокостью. С ними моя земная прямолинейность не выглядела ограниченностью. Они были двумя разными зеркалами, в которых я видела отражение собственных сильных и слабых сторон.

Завтрашняя симуляция была важна не только для оценок. Она была проверкой чего-то более важного. Проверкой того, было ли между нами что-то настоящее - или просто удачное совпадение в учебном расписании.

Я легла в капсулу, уставившись в потолок, где мерцали проекции далеких созвездий. Где-то на этой же станции, в своих отсеках, засыпали Флари и Эрго. Завтра мы будем по разные стороны виртуальной катастрофы. И от того, как мы справимся врозь, возможно, зависело, захотим ли мы снова быть вместе.

Глава 8

Флари

Симуляция «Падение „Геи“» началась именно так, как нас и пугали - с оглушительного рева. Виртуальная реальность сомкнулась вокруг, и я оказался в дрожащем, мигающем аварийным светом отсеке лабораторного корабля. Воздух был густым и тяжелым, пахло странно - сладковато и горько одновременно. Значит, где-то смешались несколько утечек: химия, биология и что-то еще. Моя новая команда состояла из двух кандидатов: Торана, дотошного кибернетика с Каллекса, и Мирел, молчаливой и невероятно проворной расы с Церы, похожей на насекомое. Задача была ясна: понять, что за опасности в этом секторе, взять пробы и придумать, как их сдержать.

- Сканеры не работают! - почти закричал Торан, тряся своим прибором. - Помехи после удара. Я могу попробовать их перезагрузить...

- Нет времени, - прервала Мирел. Ее сложные глаза ловили малейшее движение в дыму.

- За той стенкой двое. Один в сознании, второй нет. Двигаемся.

Она была права. Я расправил крылья, несмотря на тесноту, и накрыл пространство вокруг нас чувствительной мембраной. И сразу на меня обрушилась лавина ощущений: колючий холод химического выброса слева, неровное тепло живых тел справа, и странная, звенящая «пустота» прямо по курсу - возможно, очаг биологической заразы. В глазах потемнело.

- Слева - химия, очень едкая, - выдохнул я. - Биологическая угроза - прямо, у разбитых контейнеров. Не пыль, а что-то жидкое, злое. Живые - справа, за дверью с кодом 7-Дельта.

Мы двинулись, будто по полю, засеянному невидимыми минами. Торан изучал обломки, пытаюсь по надписям определить, что именно вытекло. Мирел ловко петляла, ее тело читало потоки воздуха, как книгу. А я шел, ощупывая пространство крыльями, как слепой с тростью. Только трость была частью меня и чувствовала то, что не дано было увидеть другим.

Мы нашли пострадавших. Один, похожий на человека, был в сознании, но хрипел и был красным как рак - явный химический ожог легких. Второй, существо с признаками растения, лежал без движения, его листья-органы покрывала маслянистая, странная пленка.

- Беру пробу с растительного, - сказала Мирел, уже доставая тонкий зонд. - Тор, помоги тому дышать.

Я же подошел к разбитым контейнерам. Все внутри меня кричало об опасности. Я осторожно, самым краем крыла, «прикоснулся» к воздуху над лужей переливающейся жидкости. И чуть не вскрикнул. Это была не просто зараза. Это было нечто... будто живое и мыслящее на микроскопическом уровне. Целая колония, которая мгновенно реагировала на любое изменение - на тепло, на химию. Она не просто заражала. Она приспосабливалась. И в ее «настройке», которое я считывал как хаотичные и жадные импульсы, сквозила явная злоба.

- Не трогай! - крикнул я так громко, что даже Торан вздрогнул. - Эта штука... она реагирует на попытки взять пробу! Нужна полная изоляция и, может, точечный нагрев, чтобы ее успокоить!

В этот момент грохот повторился - виртуальный, но от этого не менее жуткий. Голос системы объявил: «Вторичный обвал в секторе Альфа. Группе эвакуации срочно требуется медицинская помощь. Ближайшая медицинская группа - ваша». Сектор Альфа. Туда отправили группу силового реагирования. Группу Эрго. Сердце глухо и болезненно стукнуло о ребра. Все летело под откос. У нас на руках двое пострадавших, неопознанная, хитрая биологическая угроза и химическая утечка. А теперь еще и «срочная помощь» там, где, возможно, уже есть настоящие переломы.

- Мирел, оставайся с пробами и растительным, но НЕ трогай жидкость! Тор, стабилизируй того парня и готовь к выносу. Я... я должен проверить сектор Альфа, - решение пришло само, вопреки всем правилам. Я нарушал инструкции. Я бросал свой участок.

- Флари, это безумие! - прошипел Тор.

- А там люди могут погибать! - бросил я в ответ и уже бежал к аварийному проходу, который, согласно карте, вел в Альфу.

Мое внутреннее чутье, настроенное на поиск угроз, вело меня сквозь клубы дыма и груды обломков. Я не был сильным, как Эрго, или решительным, как Алиса. Но я мог почувствовать, где таится опасность, а где теплится жизнь.

Сектор Альфа напоминал мясорубку. Симуляция изобразила полный обвал палубы. Огромные балки перекрывали путь, повсюду валялись обломки. Я увидел их. Эрго и двух других кандидатов. Они пытались приподнять массивную плиту, под которую, судя по всему, кто-то попал. Эрго упирался в нее плечом, мышцы на его спине и руках вздулись от напряжения, но плита лишь слегка дрогнула. Его лицо исказила не столько усталость, сколько ярость от бессилия. Один из его напарников лежал без движения - видимо, «пострадал» при новом обвале. Второй пытался помочь, но его сил было явно мало.

И тут я заметил ее. Небольшую, почти невидимую трещину в корпусе завала. Из нее сочился легкий, холодный поток. Не просто холодный. Мертвый. Та самая звенящая пустота, что бывает перед разгерметизацией. Если они сорвут плиту неосторожно, не уравнив давление, этот сектор попросту разорвет, и всех нас выбросит в пустоту.

- ЭРГО! СТОЙ! - закричал я что есть сил, пробираясь через хлам.

Он обернулся. Его фиолетовые глаза, полные сосредоточенности, на миг встретились с моими. В них мелькнуло недоумение, а затем - вспышка того самого холодного негодования, что я видел во время нашего спора.

- Не мешай, Флари! Здесь люди!

- Там разгерметизация! - я ткнул крылом в сторону трещины. - Чувствую поток! Сорвешь плиту - всех нас вышвырнет наружу! Сначала надо заделать дыру!

Он замер. Его взгляд метнулся к трещине, потом обратно ко мне. Он не видел того, что чувствовал я. Он должен был поверить. На слово. В самый критический момент.

- Докажи, - хрипло сказал он.

Я не стал ничего объяснять. Я подбежал ближе, расправил крыло и поднес его к самой трещине. Мембрана задрожала, улавливая тончайшую вибрацию расходящегося металла, слабое шипение уходящего воздуха. Я закрыл глаза, пытаюсь передать ему не данные, а само ощущение.

- Чувствуешь? - прошептал я. - Это не просто дыра. Вся конструкция на пределе.

Эрго смотрел то на мое крыло, то на мое лицо. Время будто остановилось. Потом он резко кивнул.

- Ладно. Что делать?

- У тебя есть та пена, что на воздухе твердеет? - спросил я.

- Есть.

- Дай мне. И придерживай плиту, пока я заделываю. Как только давление выровняется - сможешь ее убрать.

Это был план отчаяния. Но это был хоть какой-то план. Эрго без лишних слов выхватил из своего комплекта баллон и шприц. Его напарник подбежал помочь. Я, дрожащими руками, начал вводить густую пену в трещину, ориентируясь на то, как менялись вибрации под моим крылом. Пена шипела и на глазах каменела.

- Давление выравнивается... вот сейчас... - бормотал я себе под нос, и в тот миг, когда дрожь под крылом сменилась на ровную, твердую пульсацию, крикнул: - Теперь!

Эрго снова уперся в плиту. На этот раз, с тяжелым скрежетом, она поддалась и была отодвинута. Под ней оказался манекен-пострадавший. Целый. Ну, «целый». Эрго выпрямился, тяжело дыша. Он вытер пот со лба и посмотрел на меня. В его взгляде не было благодарности. Было нечто более важное - признание.

- Твои чувства... сработали, - сказал он просто.

В этот момент в общем канале связи раздался голос Алисы. Он звучал четко, жестко, слишком спокойно, но я уловил в нем ту самую сталь, что бывает у людей, принимающих самые тяжелые решения.

- Всем группам. Угроза идентифицирована. Это самовоспроизводящаяся биологическая пленка. Обычная изоляция не поможет. Предлагаю решение: локально нагреть зараженную зону до 300 градусов. Это убьет заразу, но сильно повредит конструкции. Нужно вывести всех живых из секторов за следующие две минуты. Группа Эрго, Флари, подтвердите, сможете ли выйти из Альфы.

Эрго нажал на свой коммуникатор.

- Альфа свободна. Один пострадавший, готов к транспортировке. Идем на помощь.

Мы переглянулись. Все споры, разобщенность, соперничество - все это растворилось в дыму этой симуляции. Осталась только работа. Мы были разными инструментами, разбросанными по разным ящикам, но чинившими одну и ту же поломку. И, кажется, мы начинали понимать, как снова собраться в один набор.

Пока мы выносили манекенов, я чувствовал, как где-то рядом, в другом виртуальном отсеке, Алиса принимает свое жесткое, неизбежное решение о «нагреве». И я не сомневался, что оно верное. Потому что, если она так решила, значит, иного пути просто не было. А Эрго рядом, со своей титанической силой, делал возможным то, что казалось невозможным - расчищал завалы, выносил самых тяжелых, был живым щитом от падающих обломков.

Когда симуляция, наконец, отключилась и мы оказались в белом, пустом зале для разбора полетов, я был выжат как лимон. Но где-то глубоко в груди теплился странный, теплый уголек. Подошла Алиса. Волосы ее растрепались, на лбу краснел след от датчиков. Она выглядела измотанной, но глаза ее блестели.

- Вы оба... - она обвела нас взглядом, - ненормальные. Но это сработало. Флари, как ты вообще про ту трещину узнал?

- Почувствовал, - честно ответил я, пожимая плечами.

Эрго молчал, изучая итоговые цифры на стене. Наша общая оценка как отдельных команд была... неплохой. Но не выдающейся. Зато внизу была отдельная строчка: «Взаимодействие между секторами при потере связи». Там горел высший балл. С припиской: «Самостоятельное восстановление рабочего взаимодействия между группами в критический момент. Показан высокий потенциал синергии.» Алиса прочла это и усмехнулась.

- Выходит, их планам мы помешали. Доказали, что мы - выбор.

- Пока что - вынужденная мера, - поправил Эрго, но в его голосе не было прежней отстраненности. Была усталость, и под ней - что-то вроде тихого удовлетворения.

Он посмотрел на меня. На Алису. И в этот раз его взгляд не скользнул мимо. Он видел нас. По-настоящему.

- Завтра, - сказал он, - нас, наверное, снова раскидают. Но теперь мы знаем...

Он не договорил, что именно. Но мы поняли. Теперь мы знали, что где бы мы ни оказались, мы сумеем отыскать друг друга в дыму очередной катастрофы. Потому что наши различия были не стеной, а системой опознавательных знаков. И сегодня эти знаки впервые ярко вспыхнули, указывая путь к чему-то гораздо более ценному.

Я расправил уставшие крылья, чувствуя, как ноют перегруженные мембраны. Но это была хорошая боль. Боль от того, что твоя странность, наконец, нашла свое применение. И, кажется,

не только применение. Но и тех, кто был готов прикрыть твои слабые стороны и положиться на твои сильные. Это было новое, пугающее и невероятно волнующее чувство.

Глава 9

Эрго

Когда виртуальные стены исчезли, я несколько секунд просто стоял, чувствуя, как настоящий, неподвижный мир медленно возвращается в тело. Руки помнили тяжесть той плиты, спина казалось все еще согнутой под ее весом. Флари стоял рядом, его крылья мелко дрожали от напряжения. Он спас не просто манекенов. Он спас меня от ошибки, которая в реальности могла бы стать фатальной. Он увидел то, что было скрыто от меня, и я ему поверил. Не сразу и неохотно, но поверил. И это значило куда больше, чем любая оценка.

Когда к нам подошла Алиса, на ее лице застыла странная смесь изнеможения и торжества. В ее глазах я увидел тот же самый пересмотр ценностей. Она видела, как мы с Флари действовали. Видела результат. И ее «вы - сумасшедшие» прозвучало в этом месте как самая высокая похвала.

Но после того, как мы разошлись - каждый в свою каюту, чтобы смыть с себя липкий пот и призрачную пыль симуляции, - меня накрыло другое чувство. Тихое беспокойство. Я видел, как Флари смотрел на Алису, когда она говорила о «выборе». В его всегда таком открытом взгляде было что-то большее, чем просто уважение коллеги. Влечение. И я видел, как ее собственный взгляд, обычно такой жесткий и собранный, смягчился, когда он объяснял, как «почувствовал» трещину. Между ними проскочила искра. Быстрая, едва заметная, но я ее поймал. Как улавливаю дрожь в скале перед обвалом.

И это нелепым образом кольнуло. Глупо и нелогично. Мы были коллегами. Возможными напарниками. Ничего более. Но эта мысль не унимала странное, тяжелое чувство под грудью. Ревность? Нет. Мы, скорпианцы, не ревнуем. Мы защищаем то, что считаем своим. А они мне не принадлежали. Они были свободными, такими же, как я. И все же...

Позже, в своей скромной камере, я вызвал на стену записи симуляции - частные, с показателями Алисы. Ее группа оказалась в самом центре угрозы. Она приняла решение о выжигании, рискуя целым кораблем. Жесткое, почти беспощадное решение. Но единственно верное. И пока ее команда выполняла приказ, я заметил кое-что еще.

В момент, когда таймер отсчитывал последние секунды до «огня», а группа отступала, один из ее подчиненных - кандидат, который с трудом передвигался, - споткнулся. Все бросились вперед, к спасению. И только Алиса, против всех правил, развернулась. Она не стала его поднимать - не было времени. Она схватила его за руку и буквально потащила за собой, отдавая отрывистые команды. Ее лицо на записи было искажено яростной решимостью не оставить своего. Она его вытащила. Они пересекли границу сектора за мгновение до того, как симуляция залила его красным цветом «гибельной зоны». Она рисковала собой за того, кто был на ее попечении. Не по инструкции. По велению чего-то другого.

Я выключил запись. Это была не просто эффективность. Это была верность. Та самая, которую на Скорпе ценят выше всего, но показывают не словами, а делом. Увидеть это в ней... меняло все.

Не раздумывая, поддавшись тому же порыву, что заставляет подставить плечо под падающую балку, я отправил запрос в службу питания. Через двадцать минут бесшумный дрон доставил к ее двери небольшой контейнер. Внутри было не обычное питание, а то, что система определяла как «оптимальный набор для восстановления после высокого стресса для землян»: что-то вроде густого сладковатого геля, богатого белком и солями, и чашка настоящего земного чая - редкость и роскошь на станции. Я не оставил записки. Только метку отправителя: «Э.». Пусть думает, что это забота системы. Или догадается. Это было неважно. Важен был сам поступок. Так делали бы на Скорпе.

На следующее утро, на лекции по психологии травм у инопланетян, я старался делать вид что не смотрю на нее. Флари, сидевший в нескольких рядах, был оживлен. Он оглядывался, ища нас с Алисой, и, встретившись взглядом, его лицо озарила теплая улыбка. Он помахал крылом. Простой, открытый жест. На него невозможно было не ответить. Я кивнул. Алиса улыбнулась ему в ответ - широко, по-земному. И снова это странное сжатие где-то внутри. Как наша связь, только что доказавшая силу в огне, сможет выжить в обычной жизни? Когда не надо спасать друг друга из-под завалов, а нужно просто... быть рядом?

Лектор, существо со множеством щупалец, говорило о важности душевной поддержки для раненых, особенно для тех, кто привык жить среди себе подобных.

- Забота, - вибрировал его голос, - это не слабость. Это лечебный инструмент. Но применять его нужно точно, как скальпель. Неправильно понятая или навязанная забота может ранить сильнее самой болезни.

Я слушал, и слова обретали новый смысл. Мой контейнер с чаем - был ли он точным инструментом? Или неуклюжей попыткой, которую она могла счесть странностью или, что хуже, проявлением слабости? После лекции Алиса сама подошла ко мне, пока Флари увлекся спором с лектором.

- Чай был отличный, - тихо сказала она, чтобы другие не слышали. - Спасибо. Не ждала такой... внимательности.

- Это было необходимо, - ответил я, глядя прямо перед собой, а не на нее. - Ты выглядела измотанной. После вчерашнего.

Она замолчала на секунду. Потом хмыкнула.

- Прямо в лоб. Как всегда. Но... спасибо. И за чай, и за прямоту. - Она помолчала. - Ты тоже выглядел... ну, сам знаешь. Будто и правда таскал плиту, а не ее призрака.

- Я ее и таскал, - сказал я. - Для сознания разницы нет.

На ее губах дрогнула улыбка.

- Знаешь, Эрго, иногда ты напоминаешь мне моего первого наставника на Земле. Такого же угрюмого и все принимающего близко к сердцу. Он тоже молча подкладывал мне шоколад после тяжелых смен. Думал, я не знаю.

Это сравнение, странным образом, согрело изнутри. Я не был для нее чужим, инопланетным громилой. Я был наставником. Пусть и молодым. Это была роль, которую я понимал.

- Шоколад здесь редкость, - пробормотал я. - Чай - это максимум.

- И то хорошо, - она вздохнула и посмотрела в сторону Флари, который уже пробивался к нам сквозь толпу, сияя. - Кажется, наш чуткий друг что-то раскопал.

Флари действительно был полон энтузиазма. Он раздобыл данные по той самой «нанопленке» из симуляции и нашел в архивах Академии похожий случай десятилетней давности.

- Они тогда применили не нагрев, а особые низкие частоты! - взалхлеб объяснял он. - Это разрушило пленку, не повредив корабль! Но алгоритм положили в архив как «слишком сложный», и...

- Но если бы мы знали, то предложили бы другое решение, - закончила за него Алиса, и в ее глазах вспыхнул знакомый азартный огонек. - Нужно требовать доступ ко всем архивам, а не только к тем схемам, которые нам подсовывают!

Они снова были в своей стихии - в азарте открытия, в бунте против системы. Я наблюдал за ними. Их энергии идеально дополняли друг друга: его интуитивный прорыв и ее стратегический ум. И снова я чувствовал себя немного в стороне. Моя сила была в анализе и действии здесь и сейчас, а не в копании в старых записях. Но потом Алиса повернулась ко мне.

- Эрго, ты с нами? Твое мнение, кажется, здесь кое-что значит. Если мы подадим запрос втроем, у него будет больше веса.

Она не просто спрашивала. Она включала меня. Делала частью их «мы». Флари тут же поддержал, кивая с таким жаром, что перья на его голове затрепетали.

- Да! Твоя логика и наши... наши безумные идеи! Мы будем непобедимы!

Я посмотрел на их оживленные лица. На искру в глазах Алисы. На открытую, доверчивую улыбку Флари. Каменная глыба внутри дала трещину, и сквозь нее пробился слабый, теплый свет.

- Хорошо, - сказал я. - Но запрос нужно обосновать. Не чувствами. Фактами. Вероятностью повторения ситуации и ценой ошибки, если данных мало. Я подготовлю расчеты.

Алиса улыбнулась.

- Ты - наш фундамент. А мы - твои... скажем так, безумные архитекторы.

Флари рассмеялся, и звук был таким необычным здесь, что несколько человек обернулись. Мы еще не были командой. Мы были тройкой странных, разных, несовместимых элементов. Но, возможно, именно так и возникают новые союзы - не в похожести, а в различии. И пока мы гордились тем, как здорово сработались в критический момент, самая сложная задача ждала впереди: научиться быть вместе, когда опасности нет. Когда есть только привыкание друг к другу и это новое, незнакомое чувство в груди, которое я пока не решался назвать.

Глава 10

Алиса

Лаборатория ксеномикробиологии на уровне «Омега» была совершенно другим местом. Если большая часть «Асклепиона» залита белым светом и зеленью, то здесь царил синеватый полумрак. Его нарушало лишь мягкое свечение герметичных боксов и голубоватые экраны компьютеров. Воздух был прохладным и пах питательной средой, антисептиком и чем-то неуловимо живым - дыханием миллионов чужих микробов, спавших за толстым стеклом.

Сегодня мы учились безопасно брать пробы у «пассивно-агрессивных» культур. Так называли микроорганизмы, которые вроде бы безобидны, но могут резко и непредсказуемо измениться при контакте с определенными веществами. Нашим подопытным был образец «КС-7», прозванный «Спящая угроза». Бледно-голубая, почти прозрачная жидкость в колбе, под микроскопом похожая на россыпь крошечных снежинок. Красиво. И тихо.

- Ваша задача, - голос инструктора, суховатого септарианина по имени Вектор, звучал прямо у нас в голове через импланты, - провести стандартный забор через тройной шлюз, поместить пробу в анализатор и провести базовый тест. Все действия строго по инструкции. «КС-7» считается безопасным, если соблюдать температурный режим и избегать вибраций. Нарушение правил может привести к фазовому переходу.

Я стояла за своим рабочим местом в четвертом ряду. Рядом, за соседними столами, трудились еще пятеро кандидатов. Флари и Эрго сегодня были в другом секторе, на занятиях по хирургии в невесомости. Мне было... непривычно без них.

Я надела второй слой перчаток, проверила, плотно ли прилегает шлем. Инструкция светила на внутреннем экране. Шаг первый: включить вакуумный захват. Шаг второй: совместить манипулятор с клапаном на колбе. Я собралась с мыслями. Механическая «рука» плавно выдвинулась из панели, ее тонкий наконечник нацелился на крошечный клапан. И именно в этот момент где-то в глубине лаборатории, в другом ряду, раздался резкий, пронзительный звук - сигнал тревоги. Кто-то ошибся. Может, что-то уронил. Может, перепутал реагенты.

Я инстинктивно вздрогнула. Моя рука под перчаткой дернулась. И механический манипулятор, который повторял мои движения, тоже дрогнул. Вместо плавного совмещения наконечник стукнул по горлышку колбы. Легкий, но отчетливый удар.

На секунду все замерло. Ничего. Я уже собиралась выдохнуть с облегчением, как вдруг увидела. Бледно-голубая жидкость внутри колбы вздрогнула. Не просто колыхнулась. Она сжалась, как живое существо от боли, а потом стремительно начала менять цвет. С голубого на фиолетовый, потом на густой, ядовито-зеленый. Внутри за клубилась мутная взвесь. На моем экране тут же вспыхнуло предупреждение: «Фазовый переход. Уровень угрозы повышен. Активирован карантин четвертого уровня.»

- Немедленно покинуть рабочие места! - закричал в общий канал голос Вектора, в котором не осталось и следа от прежней сухости. - Автоматическая изоляция через десять секунд!

Холодная, липкая паника сдавила горло. Я бросилась к выходу из своего бокса, как и все остальные. Общий проход вел к главным дверям. Но едва я сделала пару шагов, с резким шипением из потолка опустились прозрачные полимерные щиты, отрезая ряды друг от друга. Стандартная мера - чтобы локализовать возможную утечку.

Я оказалась в западне. Вместе с еще двумя кандидатами - нервным парнем с Тельсии и молчаливой девушкой с перепончатыми пальцами - мы были отрезаны в дальнем углу зала. Главный выход оставался за двумя щитами. В нашем отсеке была только аварийная вытяжка и... дверь в подсобку для утилизации отходов. Оттуда наверняка был запасной выход.

- Через утилизацию! - крикнула я, уже бегом направляясь к этой двери. Остальные кинулись следом.

Дверь открылась, и мы ворвались в маленькую, тесную комнату, заставленную контейнерами и стерилизатором. И в этот момент громко щелкнули замки. Не только снаружи, но и на противоположной двери, что вела в технический коридор. Система, отследив наше движение, решила перекрыть все пути на всякий случай. Мы были в ловушке. В двойной ловушке.

- Эй! Откройте! Мы здесь! - закричал тельсианец, стуча кулаком по прочной прозрачной перегородке, отделявшей нас от основного зала. Снаружи мелькали фигуры в защитных костюмах, но нас, казалось, не замечали. Или не могли подойти - между нами и ними опустился еще один щит.

Внезапно в комнате погас основной свет, осталось лишь тусклое аварийное освещение. Воздух стал густым, тяжелым. Вентиляция переключилась на замкнутый цикл. А потом из динамиков раздался спокойный, безличный голос: «В отсеке 4-Гамма зафиксирована активация патогена класса „Бета“. Атмосфера считается зараженной. Начинается экстренная дезинфекция. Находящимся в отсеке: сохраняйте спокойствие. Используйте нейтрализующую сыворотку из аварийного набора. Оставайтесь на месте до подтверждения очистки воздуха.»

В стене рядом со стерилизатором открылся небольшой отсек. Три автоинъектора. «Универсальный нейтрализатор широкого спектра. Побочные эффекты: временная дезориентация, тошнота, возможны зрительные галлюцинации.» Я схватила один, не раздумывая, и вколола себе в бедро прямо через комбинезон. По вене разлилась холодная волна. Двое других, с видимой неохотой, последовали моему примеру.

- Что это за зараза? - прошептала девушка с перепонками, ее голос дрожал. - Что она делает?

- Не знаю, - честно ответила я, прислонившись к стене. Голова уже начинала слегка плыть. - Но если система считает, что мы уже заражены... значит, он мог передаться по воздуху в тот момент, когда все изменилось в колбе.

Сердце бешено колотилось. Я думала о том зеленом, клубящемся облаке. Оно было таким маленьким. Но достаточно ли было одного вдоха? Одной-единственной споры?

Через несколько минут побочные эффекты накрыли меня с головой. Комната поплыла. Стены словно дышали. Звуки - стук собственного сердца, прерывистое дыхание товарищей, гул систем - то накатывали громкой волной, то отступали. В глазах заплясали цветные пятна. Подкатила тошнота, и я сглотнула горький комок в горле.

Но хуже всего было другое. Постепенно начали стираться границы. Я смотрела на свои руки в перчатках и не сразу понимала, чьи они. Всплывали обрывки воспоминаний: орбитальная верфь «Зодиак», лицо женщины-пилота, а потом вдруг - детство, бабушка на кухне, запах земной травы после дождя. Картины накладывались друг на друга, спутываясь в бессмысленный клубок. Я пыталась ухватиться за что-то твердое: Меня зовут Алиса Романова. Я на станции «Асклепион». Со мной двое людей. Держись. Но мысли уплывали, как дым.

- Мама? - вдруг сказал тельсианец, глядя в пустоту. Его глаза были широко раскрыты, полны детского страха. Девушка с перепонками тихо плакала, прижавшись головой к коленям.

Я зажмурилась, пытаюсь подавить новую волну паники. Дезориентация. Галлюцинации. Это побочка от сыворотки. Это не ты. Держись. Но трезвая мысль тонула в этом хаосе.

Вдруг в моем импланте, сквозь шум в голове, пробился голос. Человеческий. Эрго. Он звучал приглушенно, будто сквозь толстую стену, но я узнала его низкий, бархатный тембр.

- Алиса. Держись. Мы знаем. Мы здесь. Флари чувствует вибрации систем, мы у изоляционного щита. Работаем.

Слезы выступили на глазах. От облегчения? От слабости? Неважно. Я попыталась ответить, но мой имплант, видимо, мог только принимать.

- Эрго... - прошептала я в пустоту. - Голова... не слушается.

Ответа не было. Но я знала - они там.

Прошло еще неизвестно сколько времени. Минуты? Часы? Жар сменился ознобом. Галлюцинации отступили, оставив после себя пустую, звенящую слабость и тупую головную боль. Мои товарищи притихли, один дремал, вторая просто сидела, уставившись в пол. И тогда свет погас полностью. Даже аварийный. Нас поглотила абсолютная, давящая темнота. А потом раздался звук. Глухой, мощный удар по тому самому прозрачному щиту, что отделял нас от подсобки. Еще один. Методичный, неотвратимый. Как будто кто-то огромный бил по бронированному стеклу кулаком. Или плечом. Эрго.

С каждым ударом в моей груди оживала надежда. Он бил в самую толстую перегородку. Потому что она была ближе к нам. Потому что это был самый прямой путь. Раздался треск каркаса. Еще удар. И еще. И вдруг в темноте возник луч света - тонкий, как лезвие. Он вырезал в полимере прямоугольник. Потом этот прямоугольник с грохотом рухнул внутрь. В проеме, залитом светом из основного зала, стояла огромная, дышащая фигура в полном защитном скафандре. Эрго. За его спиной я увидела Флари - он что-то кричал, показывая на датчики в руках, его крылья были напряжены до предела. Эрго шагнул в темноту, его фонарь выхватил нас троих, прижавшихся к стене.

- Все здесь? - его голос в моем импланте был четким, как приказ.

- Да... - смогла выдавить я.

Он без лишних слов наклонился, взял на руки потерявшую сознание девушку с перепонками. Мне и тельсианцу жестом показал идти за ним. Мы выползли через проем, спотыкаясь об обломки полимера.

В основном зале было светло. Воздух был чист. Системные щиты поднялись. Вокруг суетились люди в защитных костюмах, но они расступились, увидев Эрго, несущего на руках спасенную. Флари тут же подбежал ко мне, его крыло на мгновение коснулось моего плеча - странный, но бесконечно утешительный жест.

- Ты в порядке? Дышишь? Скажи что-нибудь.

- Говорю... - я попыталась улыбнуться, но вышла кривая гримаса. - Спасибо.

Он кивнул, его глаза были полны беспокойства.

- Эрго почувствовал вибрацию от удара в щит, когда ты... ну, когда все случилось. Потом система объявила об изоляции. Мы не могли просто ждать.

Я посмотрела на Эрго. Он уже передавал девушку медикам, его движения были спокойными и точными, как всегда. Он обернулся, и наши взгляды встретились. В его фиолетовых глазах не было ни упрека, ни торжества. Убежденность, что я цела. И что-то еще, темное и тревожное - возможно, отголосок того же страха, что сковал меня в темноте.

Ко мне подошел Вектор, его щупальца нервно подрагивали.

- Кандидат Романова... невероятно... но ваши действия... аварийная сыворотка... - он бормотал что-то невнятное о нарушении инструкций, о рисках.

Но я уже не слушала. Я смотрела на этих двоих. На Эрго, который пробил стену. На Флари, который почувствовал беду и не успокоился. Они пришли. Не как бездушная система. Не как холодный протокол. Как они сами. Мы уже не были просто «возможной командой» или «удобным сочетанием навыков». Что-то изменилось. Там, в темноте той камеры, когда их голоса стали единственной нитью, связывающей с реальностью, а их действия - единственным спасением. Теперь они были частью моего мира. Важной, неотъемлемой частью. И мысль о том, что завтра нас снова могут разбросать по разным концам галактики, стала не просто досадной. Она стала невыносимой. Но сейчас нужно было просто стоять. Дышать чистым воздухом. И чувствовать, как их присутствие - одно твердое, как скала, другое теплое, как крыло - медленно прогоняет остаточный холод изоляции и тот страх, что успел поселиться глубоко внутри.

Глава 11

Флари

Мы с Эрго молча наблюдали, как на мониторах над койкой Алисы бились ровные, стабильные ритмы. Экспериментальный иммуномодулятор, введенный ей час назад, делал свое дело: температура падала, нейронная активность приходила в норму. Опасный вирус, подхваченный в той проклятой карантинной камере, отступал. Эрго первым нарушил молчание. Он встал со своего кресла, и его огромная тень на мгновение затмила свет.

- Она спит. Кризис миновал, - он посмотрел на меня, и в его фиолетовых глазах читалось нечто сложное. - Я пойду. Отчитаюсь перед Каревым. Дежурный робот на внешнем посту. Если что-то изменится... ты здесь.

- Я здесь, - просто ответил я.

Он кивнул и вышел, его шаги затихли в пустом коридоре. Слабый свет панелей подсвечивал лицо Алисы. Оно, обычно такое сосредоточенное и сильное, сейчас казалось хрупким. Темные круги под глазами, расслабленные губы. Волна изнеможения наконец накрыла и меня. Тело, до сих пор державшееся на нервном взводе, обмякло. Крылья, которые всю ночь были инстинктивно расправлены, будто пытаясь уловить малейшие изменения в ее состоянии, устало опустились. Я сел на край койки, не касаясь ее, и просто смотрел.

Она пошевелилась. Сначала едва заметно, потом глубоко вздохнула и открыла глаза.

- Флари? - прошептала она.

- Да, - я наклонился, чтобы она лучше видела. - Все позади. Ты в безопасности.

Она медленно кивнула, ее взгляд стал яснее. Она оглядела маленький, стерильный отсек, и по ее лицу пробежала тень воспоминания.

- Темнота... и тот холод... - она содрогнулась.

- Его больше нет, - сказал я твердо, и моя рука сама потянулась к ней. Я остановил ее в сантиметре от ее щеки, давая ей выбор.

Алиса посмотрела на мою руку, потом в мои глаза. И сделала то, чего я никак не ожидал. Она приподняла свою руку и коснулась моих пальцев.

- Я слышала ваш голос, - прошептала она. - Твой и Эрго. Когда свет погас, и стало нечем дышать. Вы кричали что-то системе... ругались... Это была единственная ниточка.

Я не сдержался. Я обхватил ее руку обеими своими, прижал ее ладонь к своей груди, где бешено колотилось сердце.

- Я думал, мы опоздаем, - вырвалось у меня, и голос сорвался. - Когда Эрго взламывал дверь, а я пытался дистанционно стабилизировать твои показатели... Я думал...

Она не дала договорить. Ее пальцы сжали мои.

- Но вы не опоздали.

Я видел, как ее взгляд скользит по моему лицу, останавливается на моих губах, на моих крыльях, лежащих за спиной.

- Я хочу... чувствовать что-то настоящее, - тихо сказала Алиса. - Не показатели на мониторе. Не этот... привкус страха во рту. Ты понимаешь?

Я понимал. Лучше, чем кто-либо. Моя собственная жизнь на Ветрее была попыткой заглушить одиночество в работе. И сейчас, здесь, после ночи на грани, эта пустота кричала внутри с новой силой. Ее нужно было заполнить. Не лекарством. Жизнью.

- Я понимаю, - ответил я так же тихо.

И тогда она потянула меня к себе. Слабо, но с нестигаемой решимостью. Я не сопротивлялся. Я позволил ей вести, опускаясь на колени рядом с койкой, чтобы наши лица были на

одном уровне. Мои крылья инстинктивно, почти бесшумно расправились, создавая вокруг нас полумрак, уютную, защищенную пещеру из кожи и перьев. Воздух под ними сразу стал теплее, насыщеннее - мое собственное тело реагировало на ее близость, кровь прилила к поверхности мембран, сделав их нежными и горячими на ощупь.

Наш первый поцелуй был не страстным. Губа к губе - легкое, трепетное прикосновение. Дыхание, смешивающееся с дыханием. Это была проверка на реальность, на жизнь. Его вкус был спасением. Я ответил мягко, давая ей задать тон. Она углубила поцелуй, ее губы стали более уверенными, и я почувствовал легкий трепет - не страх, а нервное, живое возбуждение. Она оторвалась, чтобы перевести дух, ее глаза, темные и огромные, блестели в синеве экранов.

- Твои крылья... они такие теплые, - прошептала она. Кончики ее пальцев, дрожа, коснулись голой, тонкой как шелк кожистой мембраны у моего плеча, там, где она переходила в тело.

Я вздрогнул. Это было самое уязвимое, самое чувствительное место. Никто никогда не касался меня там с такой... нежностью. Под ее пальцами оно не казалось странным или уродливым. Оно было просто частью меня. И ей это нравилось. Ее прикосновение было похоже на удар тихого электрического тока, который побежал не по коже, а где-то глубоко внутри, прямо к основанию позвоночника.

Следующий поцелуй был уже другим. В нем прорвалась вся та подавленная жажда жизни, что копилась в ней в темноте камер. Я целовал ее, как утоляю долгую жажду. И она отвечала - своим дыханием, ставшим прерывистым, легким движением таза, прижимавшегося ко мне.

Мы помогали друг другу освободиться от одежды. Я наклонился и коснулся изгиба ее шеи не губами, а кончиком языка, почувствовав под ним пульсацию артерии. Она ахнула, и этот звук был для меня музыкой. Мои крылья, мягко обволокли ее обнаженную спину. Тепло ее кожи впитывалось мембранами и отдавалось мне обратно усиленным, обогащенным уникальным земным ароматом. Я застонал от этого сенсорного потопа, прижав лоб к ее груди.

- Флари...

Я отвечал ласками. Мои губы и язык повторили путь, который им подсказывали мои крылья. От ее губ, которые уже были распухшими от поцелуев, я спустился к упругим грудям. Ее сосок под моим языком набух, стал твердым и чувствительным. Я слышал, как ее дыхание превратилось в серию коротких, резких вдохов, чувствовал, как нагревается и покрывается мурашками кожа на ее боках под моими ладонями и под нежным трепетом крыловых мембран.

Когда я опустился ниже, целуя ее плоский, напряженный живот, чувствуя, как под кожей дергаются мышцы, она слабо протестующе потянула меня за волосы.

- Нет... подожди... Я не... - в ее голосе прозвучала та самая неуверенность, которую я подсознательно ждал, первая тень сомнения в этом море смелости.

Я немедленно остановился, поднявшись, чтобы снова видеть ее лицо.

- Мы никуда не торопимся, - сказал я тихо, целуя ее веки, ее щеки. - Только то, что ты хочешь. Только так, как ты хочешь.

- Я хочу тебя, - повторила она.

Я вернулся к ее губам в долгом, сладком поцелуе, давая ей время привыкнуть к весу моего тела, к новому уровню близости. Моя рука скользнула между наших тел, и я коснулся ее там, где она уже была горячей и влажной от возбуждения. Она вздрогнула всем телом, и ее губы на миг замерли на моих. Я не вторгался, лишь мягко водил подушечками пальцев по нежной, набухшей плоти, изучая ее реакцию, слушая ее прерывистое дыхание, чувствуя через крылья, как ее спина выгибается в едва уловимой судороге.

- Да... вот так... - прошептала она, и ее бедра сами начали совершать крошечные, инстинктивные движения, ища большего контакта.

Только тогда, когда ее тело уже молило об этом, когда ее пальцы впились в мои плечи, я приготовился войти в нее. Я смотрел ей в глаза, ища малейший знак страха или неготовности. Но Видел только доверие и ту же яростную жажду жизни.

Движение вперед было бесконечно медленным, преодолевающим барьер девственности с такой бережностью, на какую только был способен. Я видел, как ее глаза на миг расширились от неожиданного ощущения - не столько боли, сколько глубокого, внутреннего растяжения, заполнения. Она замерла, ее дыхание остановилось.

- Больно? - мгновенно замер я.

- Нет... не больно... - она покачала головой, ее взгляд был сосредоточенным, будто она прислушивалась к чему-то внутри. - Это просто... ново. Очень... очень глубоко.

Она сделала небольшой, пробный толчок бедрами навстречу, как бы проверяя ощущения. И на ее губах появилась слабая улыбка.

- Продолжай, - попросила она. - Пожалуйста.

И мы начали двигаться. Мои крылья плотно обнимали нас, их тончайшая вибрация, произвольный ответ на бурю чувств внутри меня, усиливала каждое ощущение для нас обоих. Это было не просто физическое соединение. Это было слияние нервных систем. Я чувствовал, как ее наслаждение нарастает - не взрывными волнами, а теплым, разливающимся по жилам потоком. Оно отражалось в моих мембранах, возвращалось ко мне, смешивалось с моим собственным возбуждением, создавая петлю обратной связи невероятной интенсивности.

Она кончила первой - с тихим, протяжным стоном, который вырвался из ее груди, будто из самой глубины. Ее тело растворилось в удовольствии, став тяжелым, податливым, невероятно горячим и влажным вокруг меня. Это ощущение вырвало оргазм и у меня. Он нахлынул глубокой, всепоглощающей волной, которая, казалось, вымыла из каждой клетки остатки холода и одиночества.

После, мои крылья, наконец полностью расслабившись, мягко укрыли нас, как самое нежное одеяло. Ее голова покоилась у меня на плече, губы касались моей ключицы. Я не мог перестать гладить ее волосы, ее спину. Долгое время мы просто молчали. Звуков было достаточно: биение наших сердец, ее ровное дыхание, тихое жужжание систем жизнеобеспечения отсека.

- Я... я не знала, - наконец прошептала она в темноту под моим крылом.

- Что именно? - так же тихо спросил я.

- Что это может быть так... Что можно чувствовать не только свое тело, но и... эхо своих чувств в другом. Твои крылья... они как будто передавали мне то, что чувствовал я. И наоборот.

Она говорила о самом сокровенном - о том, как моя уникальная биология превратила близость в нечто необыкновенное.

- Это потому, что я чувствовал тебя, - объяснил я. - Всю. Без остатка. Это самый большой дар, который мне кто-либо когда-либо делал.

Она прижалась ближе, и мы снова погрузились в молчание, уже не нуждаясь в словах. За прозрачной стеной отсека плыли холодные звезды. Где-то там был Эрго, который, сам того не ведая, подарил нам эту ночь. Где-то - Академия с ее правилами. Но здесь, под сенью моих крыльев, в сплетении наших тел, мы нашли нечто большее, чем утешение после кошмара. Мы нашли новый язык. Новый способ быть живыми. И пусть завтра придет с отчетами и взглядами, эта ночь, навсегда останется нашим нерушимым фундаментом.

Глава 12

Эрго

Снаружи все вроде устаканилось. Алису перевели в обычную палату, отчеты написали, начальство Академии, хоть и ворчало про «самодеятельность», признало, что мы поступили правильно. Но внутри у меня что-то перевернулось и больше не вставало на место.

Я видел их. На следующий день после выписки Алисы. Они сидели вместе у маленького искусственного ручья. Не держались за руки. Не разговаривали громко. Но воздух между ними будто дрожал. Я заметил, как ее плечо иногда непроизвольно разв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.